

Надежда ПТУШКИНА

ПЛАЧУ ВПЕРЕД!

Комедия в двух действиях

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица :

Михаил Александрович Распяттов
Полина Сергеевна Аметистова
Олимпиада Николаевна Сидорова (Липа)
Натуся

Действие первое

Двухкомнатная сугубо смежна я квартира, в которой уже двадцать лет живут Распяттов и Аметистова. Что это гнездышко артистов, ясно с первого взгляда: фотографии, афиши, сувениры... А в данный момент много букетов; цветы стоят даже в ведре. Диван-кровать раздвинута. Постельное белье сбилось. Спят на нем двое. Михаил, в смокинге с бабочкой, лежит поверх одеяла. Голова Олимпиады, со следами парадной укладки, торчит из-под одеяла.

Похоже, Михаил замерз, потому что он поворачивается во сне и тащит ту часть одеяла, под которой Олимпиада, на себя, - пытается укутаться. Это ему удастся, но его маневр разбудил Олимпиаду. Просыпается она, как боец на позиции, мгновенно оценивает обстановку вокруг. Одета Олимпиада, или, лучше сказать, раздета, шикарно, как в западном крутом порнографическом фильме. Оголенность не прикрыта, а всячески подчеркнута - это и подвязки, и панталончики, в модели которых отсутствует собственно все, к чему мы традиционно привыкли, но много излишеств. И так далее... Липа внимательно рассматривает Михаила.

ЛИПА (философски). И на завтрак в постель губу раскатывать тоже, видимо, не следует. (Не вставая, достает из сумочки, которая неподалеку, зеркальце и рассматривает себя.)
Пятьдесят! Боже мой, Боже мой! Как хороша! И с каждым годом все лучше и лучше. Неужели это и есть сила любви? Господи, помоги мне! В общем, я как всегда сама, но хоть подстрахуй! Держи удар, Липа! С прямой спиной, с ироничной улыбкой. (Пытается вернуть себе часть одеяла, и ей удается.)

МИХАИЛ (вцепляется в одеяло и от этого пробуждается. Спросонок агрессивно). Полина! Поля! Поленька! Полюшка!

ЛИПА (склоняется над ним, "гипнотизирует"). Липа. Липуша. Липочка. Олимпиада. Липучка.

МИХАИЛ. А? (Соображает явно с трудом, в интонации - посталкогольный синдром; смотрит Липе в лицо.) И здесь вы? Какой сюрприз! Доброе утро!

ЛИПА. Вечер добрый! Утро мы проспали. Как, впрочем, и день. Так что - добрый вечер! Помните, в нашей с вами молодости была такая песенка "Добрый вечер, а что это значит?"

Значит, день был по-доброму начат. Значит, день был по-доброму прожит, он умножит счастливые дни..."

МИХАИЛ. (громко). Поля! Полинка!

ЛИПА. Полина Сергеевна здесь сегодня не ночевала.

МИХАИЛ. Как это - не ночевала? В каком смысле?

ЛИПА. Ревнуете?

МИХАИЛ. Ревную? Я? Кого?

ЛИПА. Супругу.

МИХАИЛ. Чью?

ЛИПА. Свою.

МИХАИЛ. Полину? Ревную? Зачем? Никогда!

ЛИПА. А заволновались чего?

МИХАИЛ. Нет, не заволновался. А вы, значит, у нас ночевали?

ЛИПА. Скорее, дневала. Я ведь вас только под утро сюда привезла. А Полина Сергеевна, если помните, на банкет не осталась, а спешно уехала к дочери. Ну я и вызвалась доставить домой цветы и вас.

МИХАИЛ. Меня доставили вы? Странно. Спасибо!

ЛИПА. Вам - спасибо.

МИХАИЛ. Не благодарите. Успех вчерашней премьеры - наш с вами общий успех.

ЛИПА (многозначительно). Сейчас я благодарю вас не как зритель, а как женщина. За то удовольствие, которое вы мне подарили как женщине.

МИХАИЛ. Спросонок все, что вы говорите, кажется мне крайне загадочным.

ЛИПА. Вспомните!

МИХАИЛ. Вспомнить что?

ЛИПА. Что-нибудь! Ну, догадывайтесь, догадывайтесь!

МИХАИЛ. С догадливостью плохо. Вчера перебрал чуть-чуть. Голова тяжелая.

ЛИПА. Намекнуть?

МИХАИЛ. Намекните!

Липа в своем эротическом костюме вскакивает прямо на постели в полный рост.

(Тоже вскакивает от неожиданности. После паузы, испуганно.) Нет!

ЛИПА (торжествующе). Да!

МИХАИЛ. Вы на что намекаете?

ЛИПА. Именно на это!

МИХАИЛ. Кошмар! Неужели я так напился?

ЛИПА (забирается под одеяло и отворачивается). Спасибо.

МИХАИЛ (присаживается рядом). Извините, Бога ради! И не хотел, и не думал, и не помню ни черта. Наверное, все-таки здорово вчера перебрал. Липочка, я к женщинам вообще не пристаю, а уж к вам-то, тем более! Сами посудите, разве в нормальном состоянии мне пришлось бы в голову приставать к вам? С какой стати? Зачем портить отношения? Вы не волнуйтесь, это не повторится.

ЛИПА. Не повторится?

МИХАИЛ. Это - алкоголь. Только! Нельзя мне пить. Просто на себя не похож становлюсь. И главное - ничего не помню.

ЛИПА. Не помните?

МИХАИЛ. Будто и не было!

ЛИПА. Было! И - ах, как было!

МИХАИЛ. Безобразие! Напьюсь и начинаю выпендриваться!

ЛИПА. Ах, как это было, ах!

МИХАИЛ. До чего же неловко! Извините меня, дурака! Давайте сделаем вид, что ничего не было!

ЛИПА. Невозможно! Это же было, было!

МИХАИЛ. Не помню, ничего не помню. Какие у вас на сегодня планы?

ЛИПА. Ах, планы... Такие планы.... такие... Ладно, проехали. Забудем!

МИХАИЛ. Спасибо!

ЛИПА. Не берите в голову! Я, можете считать, уже забыла. Это все мне показалось, привиделось, намечталось... Ах, как это было!

МИХАИЛ. Я вам искренне признателен.

ЛИПА. Пустяки. Все забыто. Ах, как это было! Все, все забыто! И это забыто, и то.... Ах, и даже это забуду... Все, все, все...

МИХАИЛ. Прежде, чем мы это все забудем, можно один вопрос?

ЛИПА. Конечно, конечно. Ах...

МИХАИЛ. Как вам показалось - я соответствовал?

ЛИПА. Вы? Не вполне!

МИХАИЛ. Да? Нельзя пить! Вообще нельзя. Ни грамма!

ЛИПА. Только третий и пятый раз - ничего себе.

МИХАИЛ. Третий и пятый? Вы шутите? Вы меня с кем-то путаете!

ЛИПА. Конечно, шучу! На самом деле замечательно было все. Вы - выдающийся мужчина! Как на сцене, так и в постели.

МИХАИЛ. Пора вставать! Вечер уже. (Напевает.) "Добрый вечер, а что это значит?" Помню песенку! Вы - отсюда куда?

ЛИПА. Я отсюда - никуда. Я здесь намерена завтракать в постели.

МИХАИЛ. В какой постели?

ЛИПА. Все в этой же!

МИХАИЛ. В каком смысле - завтракать?

ЛИПА. Вы меня соблазнили, бросили, да еще и кормить отказываетесь!

МИХАИЛ. Нет, не отказываюсь кормить.

ЛИПА. Тогда - готовьте завтрак и подавайте мне в постель!

МИХАИЛ. Да?

ЛИПА. Да!

МИХАИЛ. А может быть, лучше...

ЛИПА. Что?

МИХАИЛ. Куда-нибудь пойдём поедим?

ЛИПА. Хочу в постели. А потом можно куда-нибудь пойти.

МИХАИЛ. Я - мгновенно! (Выскакивает на кухню, надевает фартук, рукавичку.) Яйца? Где-то у меня были яйца?

ЛИПА. Ищите спокойно. Не нервничайте! Я потерплю.

МИХАИЛ. Вот они! Полина всегда кладет яйца в разные места. Я никогда ничего не могу найти. Яичница вас устроит?

ЛИПА. А у меня есть выбор?

МИХАИЛ. Некоторый есть. Могу - яйца всмятку.

ЛИПА. Если так, то яичницу! Из трех яиц!

МИХАИЛ. Есть только два.

ЛИПА. Поделимся!

МИХАИЛ. У меня аппетита нет совсем!

ЛИПА. Во время еды придет!

МИХАИЛ. Придет кто?

ЛИПА. Аппетит! Скорее, скорее!

МИХАИЛ. Спешу, сам спешу!

ЛИПА. С ума схожу от нетерпения! Столько энергии ночью израсходовала!

МИХАИЛ (с грохотом роняет тяжелую сковороду себе на ногу). Черт!

ЛИПА. Да не волнуйтесь вы так! Самое страшное позади.

МИХАИЛ. Черт!

ЛИПА. С вами все в порядке?

МИХАИЛ. Если не считать, что уронил два последних яйца! А кроме яиц, у нас с Полиной, похоже, ничего и в помине нет. Полина вся отдавалась роли и хозяйством не занималась совсем. Да еще и живет на два дома. Часто бывает у дочери, там внучка, и Полина хочет уделять ей побольше внимания. Дочь у Полины от первого брака. Когда мы поженились, Полина перебралась ко мне, а ее дочка осталась фактически с бабушкой. Мы, конечно, время от времени брали ее к нам, но, сами понимаете, какая у артистов жизнь. Оба мы много снимались в кино, да и в театре не сидели без работы. Это сейчас затишье, а тогда жизнь кипела. А теперь у Полины комплекс вины перед дочерью. И она пытается компенсировать эту вину вниманием к внучке. Полина просто помешалась на своей внучке. Я ей уже не нужен. Вижу, что и к театру она охладевает. Вот! Ищу повсюду и не нахожу. Быстренько, быстренько поднимаемся, одеваемся и - в другое место! Слава Богу, сейчас в Москве есть где вечером позавтракать!

ЛИПА (приходит в кухню). Чтобы в семейном доме да пожрать нечего! Это вот такие жены из артисток? Как это нечего есть? Быть не может! (Заглядывает в столы.) Так вот же - геркулес!

МИХАИЛ. Вы что, станете есть эту гадость?

ЛИПА. Я? Есть? Стану! Англичане несколько веков едят это на завтрак. И каждый день!

МИХАИЛ. Англичане? Каждый день!

ЛИПА. Я лично была в Англии. Едят. Каждый день - "ваша овсянка, сэр!"

МИХАИЛ. А как они это готовят?

ЛИПА. Да насыпьте в кастрюльку - и все! Я жду в постели. (Возвращается в постель.)

МИХАИЛ. Я начал!

ЛИПА. Лежу и предвкушаю.

МИХАИЛ. Это долго?

ЛИПА. Минут пять.

МИХАИЛ. Мешать надо?

ЛИПА. Слегка.

МИХАИЛ. Мне совсем не нравится это варево. А вы еще не расхотели?

ЛИПА. Никогда! А кроме овсянки что будет?

МИХАИЛ. В каком смысле?

ЛИПА. В смысле - кофе, чай?

МИХАИЛ. А-а, вы об этом! Что желаете, то и получите.

ЛИПА. Какао!

МИХАИЛ. Какао?

ЛИПА. Желаю какао!

МИХАИЛ. Какао - ей! (Заглядывает в комнату.) Лежит и желает какао. Развратница!

ЛИПА. Я? Развратница? Сами соблазнили, а теперь обзываетесь.

МИХАИЛ. Соблазнили ее! Честно говоря, не ожидал от себя! Но... тсс... Забудем, как договорились.

ЛИПА. Ой, завоняло! Ой, как воняет!

МИХАИЛ. Воняет? На что вы намекаете? Геркулес!!! (Опрометью кидается в кухню, хватая голый рукой кастрюльку, вопит и роняет.) Ну, не понимаю я англичан!

ЛИПА (прибегает на кухню, хватает Михаила за руку). Обожглись? Бедные пальчики! Наверное, мало воды налили.

МИХАИЛ. А что - надо было воды? Вы про воду даже не намекнули!

ЛИПА (дует ему на пальцы). Больно?

МИХАИЛ. Чувствительно, знаете ли.

ЛИПА. С этим я справляюсь легко. (Сдавливает ему пальцами виски.)

МИХАИЛ. Зачем вы мне давите на виски?

ЛИПА. Еще болит?

МИХАИЛ. Кстати, нет, больше не болит. Как это у вас получилось? Вы экстрасенс?

ЛИПА. Я такими пустяками не увлекаюсь.

МИХАИЛ. Итак, завтрак в постели потерпел фиаско.

ЛИПА. Этого допустить нельзя.

МИХАИЛ. А ничего такого, чтобы хоть приблизительно можно пожевать, в доме нет.

ЛИПА. Как вы живете? А вот же - хлеб!

МИХАИЛ. Черствый!

ЛИПА. Привередничать не приходится. (Нарезает хлеб.)

МИХАИЛ. Не вижу ни чая, ни кофе, ни какао!

ЛИПА. Тогда - хлеб и вода!

МИХАИЛ. Мы что, в тюрьме, что ли? Быстренько, быстренько ринемся отсюда и где-нибудь поедем!

ЛИПА. Хочу в постели! Подержите! (Передает ему поднос с хлебом и водой.) Поправлю наше ложе.

МИХАИЛ. Может быть, вы оденетесь? Хоть немножко.

ЛИПА. Мне не холодно. Может быть, хоть немножко разденетесь вы?

МИХАИЛ. Я? Зачем?

ЛИПА. Завтракать в постели хлебом и водой будучи в смокинге - это еще туда-сюда. Но фартук - это уже перебор!

МИХАИЛ. Фартук сниму.

ЛИПА. Спасибо. (Устраивается в постели.) Садитесь, садитесь поближе! Ах, что мы тут творили!

МИХАИЛ (роняет поднос). Черт! Сколько раз мне перед вами извиняться?

ЛИПА. Тем более, что я не считаю вас виноватым.

МИХАИЛ. Наденьте что-нибудь! Я настаиваю.

ЛИПА. Вы нервничаете? Значит, начинаете припоминать? Я вас волную?

МИХАИЛ. Вы - странная женщина!

ЛИПА. Встретились однажды случайно в постели странная женщина и знаменитый артист. Интригующее начало для любого жанра.

МИХАИЛ. Мы в театре встретились, а не в постели, Олимпиада Николаевна! И вот этого я не забуду никогда! И навечно сохраню благодарную память в своем сердце.

ЛИПА (напевает на мотив "Умер наш дядя"). Там-па-рам-па-рам-па-тарам-парам-парам... Михаил Александрович, я еще жива!

МИХАИЛ. Я два года был болен этим спектаклем. Но в наше время все упирается в деньги! Я был в отчаянье, в депрессии. И вдруг являетесь вы! И предлагаете деньги на спектакль! Вы по праву разделили с нами вчерашний успех! Вы не ошиблись, когда поверили и вложили в спектакль свои деньги. Вы удовлетворены?

ЛИПА. Деньги я вложила в вас лично.

МИХАИЛ. Спасибо, но... Спектакль бы не состоялся без Полины. Все-таки она - великая актриса.

ЛИПА. Полину Сергеевну уважаю с детства.

МИХАИЛ. И для нашей юной дебютантки, для Натуси, вы распахнули двери в мир театра. Вчерашняя студентка проснется знаменитой. (Смотрит на часы.) Наверное, уже проснулась. Надо ей позвонить.

ЛИПА. Не сейчас. Вдруг она еще спит. Пусть выспится. Тяжко бремя славы, пусть накопит сил, чтобы нести его достойно.

МИХАИЛ. Согласитесь, такого дебюта Москва не видела давно.

ЛИПА. Я в дебютах ничего не понимаю. А деньги вложила все-таки в вас.

МИХАИЛ. Вы - милая. Спасибо.

ЛИПА. Помните кино "Лети, Икар, лети!".

МИХАИЛ. Помню ли я? Да как же я могу забыть свой первый фильм? Сколько же лет прошло?

ЛИПА. Тридцать один.

МИХАИЛ. Неужели? (Со вздохом.) Вы точны.

ЛИПА. Угадайте, сколько раз я смотрела это кино?

МИХАИЛ. Откуда же? Мне трудно.

ЛИПА. Хоть какие-то предположения?

МИХАИЛ. Двадцать?

ЛИПА. Со свистом мимо.

МИХАИЛ. Ну, десять.

ЛИПА. Холодно, холодно...

МИХАИЛ. Пять?

ЛИПА. Совсем замерзла.

МИХАИЛ. Сто!

ЛИПА. Ближе, ближе, теплее...

МИХАИЛ. Не верю!

ЛИПА. Триста шестьдесят шесть. Фильм вышел на экраны первого января, а год был високосный.

МИХАИЛ. Да, успех был! Фестивали, награды... Я с этим фильмом весь Советский Союз объехал. И полмира в придачу! Но то, что сейчас сказали мне вы, - награда высшая.

ЛИПА. Награда настигла героя. Тридцать один год назад я влюбилась в вас.

МИХАИЛ. Да, были поклонницы, были... Письма писали, караулили.

ЛИПА. Пишут и караулят до сих пор.

МИХАИЛ. Давно перестали!

ЛИПА. Не все перестали!

МИХАИЛ. Все! Так проходит мирская слава!

ЛИПА. Не перестала я. Каждый день - по письму.

МИХАИЛ. А почему не отправляли письма?

ЛИПА. Ждала, когда ангелы протрубят мой час.

МИХАИЛ. А когда же протрубят?

ЛИПА. Вот-вот!

МИХАИЛ. Вы все-таки оделись бы! Мне, конечно, никакой разницы. Но в любую минуту может войти жена!

ЛИПА. В любую минуту Полина Сергеевна не войдет. Она - у дочери. А я прошу вашей руки.

МИХАИЛ. Чего просите?

ЛИПА. Вашей руки!

МИХАИЛ (протягивает руку). Не понял, но... пожалуйста.

ЛИПА. Я прошу вашей руки в переносном смысле.

МИХАИЛ. Это как?

ЛИПА. Женитесь на мне!

МИХАИЛ. Чего?

ЛИПА. Я прошу вас стать... Женитесь на мне!

МИХАИЛ. Я? На вас? Зачем?

ЛИПА. Желаю, чтоб вы женились на мне! Хочу!!!

МИХАИЛ. Вы чего, тоже вчера перебрали? Такое впечатление, что вы с ума сошли!

ЛИПА. Любой спятит! Легко ли тридцать один год любить одного и того же! Это же какое адское терпение надо!

МИХАИЛ. Спасибо, конечно. Но я женат!

ЛИПА. Это не ответ. Сегодня - женат, завтра - холост, послезавтра еще что-нибудь придумаете! Вы же артист! Сколько раз вы были женаты?

МИХАИЛ. У нас с вами странный разговор.

ЛИПА. Лично вы пока ничего странного не сказали. И что странного в том, что я хочу за вас замуж? У вас что, комплексы какие-то? Что странного?

МИХАИЛ. Странно не то, что вы хотите за меня замуж, а то, что вы говорите мне об этом вот так.

ЛИПА. А если бы я не сказала, вы сами разве догадались бы?

МИХАИЛ. Что вы? Мне в голову бы не пришло!

ЛИПА. Значит, правильно, что говорю!

МИХАИЛ. Знаете, оденьтесь! Я категорически настаиваю. Категорически!

ЛИПА. Слушаюсь! (Накидывает роскошную короткую шубку прямо на белье и присаживается рядом с Михаилом.) Оделась и все равно предлагаю вам жениться на мне! На срок - один год!

МИХАИЛ. Бред какой-то!

ЛИПА. И плачу за год нашей семейной жизни миллион долларов!

Пауза.

МИХАИЛ. Чего? Как вы сказали?

ЛИПА. Миллион баксов! Плачу вперед!

МИХАИЛ. Не верю! Да за миллион баксов вы себе гарем можете завести! Ваша шутка не прошла!

ЛИПА. Такими деньгами не шутят. За такие деньги убивают. А вы - жениться или нет - сомневаетесь. И всего-то срок - год! Да на такие деньги вы свой театр сделать можете!

МИХАИЛ. Миллион долларов! Представить даже не могу, как такие деньги выглядят! Любопытно, что это за ощущение, когда у тебя есть миллион долларов? В моих глазах вы - пришлица с другой планеты. И я не знаю, как с вами разговаривать. Да, я давно мечтаю о своем театре. Но так, как большинство русских: мечтать мечтаю, но дальше разговоров ничего не идет. А вам-то зачем это?

ЛИПА. Я люблю вас тридцать один год. С перерывами, конечно.

МИХАИЛ. Потрясающе!

ЛИПА. Вы даже не представляете, как осточертело мне вас любить! Как я с собой боролась! И поняла: единственный способ разлюбить - выйти за вас замуж. Никакая любовь еще не выжила в браке.

МИХАИЛ. Последнее - спорно! Я женат на Полине Сергеевне двадцать лет, а она все еще меня любит.

ЛИПА. С ее внешностью у нее практически нет выбора.

МИХАИЛ. И вы готовы заплатить миллион долларов за то, чтобы разлюбить меня? И платите вперед?

ЛИПА. Могу прямо сегодня!

МИХАИЛ. Достоевщина какая-то! Островщина. Островскищина! И вам кажется, что можно купить все?

ЛИПА. Да! Купить можно абсолютно все. Если продумать сделку как следует.

МИХАИЛ. Потрясающе! И как вы себе это представляете конкретно? Подпишите чек? Или выпишите? Даже не знаю, как грамотно. Я вообще от денег несколько далек. Моя жизнь складывалась так, что я и не представляю, куда мне с вашим чеком, в какое место?

ЛИПА. Разберетесь постепенно.

МИХАИЛ. Лучше швырните пачки купюр мне в лицо! Но принято ли в подобных случаях пересчитывать деньги?

ЛИПА. Зачем швыряться деньгами. Я заплачу безналом.

МИХАИЛ. Мало того, что вы меня покупаете. Вы еще хотите приобрести меня по безналичному расчету?

ЛИПА. Удобнее. Перечислю на вашу сберкнижку в рублях.

МИХАИЛ. Ничего святого не осталось! И сколько это в кровных?

ЛИПА. По текущему курсу около шести миллиардов.

МИХАИЛ. И за шесть миллиардов вы хотите купить человека? Художника? Артиста?

ЛИПА. Больше не даст никто!

МИХАИЛ. Я - не новый русский! Я не продаюсь. И к вам не испытываю никаких чувств. Я... я люблю совсем другую женщину.

ЛИПА. После сегодняшней ночи поверить в это трудно.

МИХАИЛ. Ничего не помню!

ЛИПА. Я расскажу.

МИХАИЛ. Нет.

ЛИПА. Но вам же любопытно!

МИХАИЛ. Нет. У меня и так отвратительное настроение.

ЛИПА. Для огорчений нет причин! Вы были великолепны!

МИХАИЛ. Ничего не помню. Ничего не хочу знать.

ЛИПА. Хорошо. Я тоже все забыла.

МИХАИЛ (после паузы). В конце концов, не лишено любопытства, что такого особенного можно рассказать.

ЛИПА. Рассказать можно та-а-а-кое. Но я не хочу. Я все забыла.

МИХАИЛ. Ладно. Валяйте - рассказывайте! Добивайте!

ЛИПА. Добивать? Я не кровожадна.

МИХАИЛ. Ну, не дуйтесь, мне, правда, любопытно.

ЛИПА. Поздно. Я все забыла.

МИХАИЛ. Олимпиада Николаевна, а если я как следует попрошу?

ЛИПА. Попробуйте!

МИХАИЛ. Ну, о-о-очень прошу!

ЛИПА. Допустим.... Ложитесь!

МИХАИЛ. В каком смысле?

ЛИПА. Да ложитесь вы! Что вам уже терять?

МИХАИЛ. Ну, лег.

ЛИПА. Вы делали так! (Внезапно кидается на него и пылко расцеловывает.)

МИХАИЛ (пытается вырваться). Делал так? Я? Не помню!

ЛИПА. И рычали вот так!

МИХАИЛ. Кто рычал?

ЛИПА. Вы рычали!

МИХАИЛ. Я?

ЛИПА. И еще безумствовали вот так!

МИХАИЛ. Не верю!

ЛИПА. Вы кричали: "Липочка, будь моей навсегда!"

МИХАИЛ. Мне совсем нельзя пить!

ЛИПА. Вы кричали...

МИХАИЛ (резко перебивает). Стоп! Вы же говорили - я рычал?

ЛИПА. То кричали, то рычали. Давайте же, включайтесь - мне одной за двоих трудно!

МИХАИЛ. Чего давать, сумасшедшая вы женщина?! Чего давать?

ЛИПА. Кричите же, кричите!

МИХАИЛ. Не знаю я, что кричать. Отпустите меня!

ЛИПА. Да рычите же! Кто из нас артист, в конце концов? Вообще ни черта не можете!

МИХАИЛ (рычит, потом смеется). Не могу! Мне смешно!

ЛИПА. Смешно, что уже не можете даже порычать с женщиной?

Михаил рычит. Оба хохочут.

МИХАИЛ. Ты разбудила во мне зверя! Ну, держись! Есть еще порох в пороховницах!

Входит Полина Сергеевна с апельсинами в прозрачном пакете и замирает в дверях. Ее не замечают.

(Тормошит Липу, и они катаются в объятиях буквально по всей комнате.) Я люблю вас! Люблю, как никогда не любил! Двенадцать женщин я бросил. Де- вять - бросили меня! Но ни одну из них я не любил так, как вас! Руку предлагаю. Да или нет? Не хотите?

ЛИПА. Хочу!

И тут они "тормозят" прямо о ноги Полины.

МИХАИЛ (скорее почувствовал, чем увидел). Полина?

ЛИПА (настойчиво). Не Полина, а Липочка, Липуша!

Полина рычит.

МИХАИЛ (увидел ее). Полина!

ЛИПА. Липуша, Липёнок! (Увидела Полину.) Полина Сергеевна! Здравствуйте!

Неловкая пауза.

ПОЛИНА. Что же вы двери-то не закрыли? Хорошо, я вошла, а если бы соседка?

МИХАИЛ. Полина, спокойно! Ничего не было!

ПОЛИНА. Майкл, ну ты просто маньяк, оказывается! Маньяк сексуальный!

МИХАИЛ. Ничего не было! А то, что было, я сейчас объясню!

ПОЛИНА. А вы, Олимпиада, такая разносторонняя оказались. И предприниматель, и спонсор, и...

МИХАИЛ. Полина, это не то, что тебе показалось.

ПОЛИНА. Пожалуйста. Твоя версия?

МИХАИЛ. Между нами вообще ничего не было! Липа, подтвердите!

ЛИПА. Только в ваши разборки меня не втягивайте!

МИХАИЛ. Липа попросила меня кое-что ей показать.

ПОЛИНА. Кое-что показать попросила? Понимаю. А что именно? Да ты не нервничай, Майкл! Я лично все равно на минутку. Я - за соковыжималкой. Меня сейчас волнует только температура. Я играла вчера, а сама думала только про температуру. Но я актриса. Я должна. Это, Олимпиада, наш актерский крест такой! Заберу соковыжималку и уеду. И можете продолжать с того же места! А меня только температура волнует. Где соковыжималка? Где же она?

МИХАИЛ (дотрагивается до ее руки). Не было ничего!

Полина (взвизгивает). Не прикасайся ко мне, маньяк! Куда же я ее затырила? Ты нашу соковыжималку никому не отдавал? Ты же ничем не дорожишь!

МИХАИЛ. У тебя действительно температура!

ПОЛИНА. У меня - температура? Даже не помнишь, что у меня температуры вообще не бывает! Где, где она? Да верните мне немедленно мою соковыжималку!

ЛИПА. Успокойтесь, прошу вас! (Подключается к поискам соковыжималки.)

ПОЛИНА. Если бы температура! Но и аллергия на лекарства в придачу! И сбить температуру можно только апельсиновым соком. Понимаете, такой организм! Только соком! И только апельсиновым! Я сюда примчалась на минуту за соковыжималкой. И больше мне от вас ничего не надо!

МИХАИЛ. Может быть, ты приляжешь?

ПОЛИНА. И мне тоже предлагает прилечь? Майкл, ты действительно маньяк. Ты - секс-символ! Где соковыжималка?

ЛИПА. О, Господи! Проще купить!

Полина (сварливо). Это вам проще! Новым русским! У вас денег куры не клюют! А я не могу тратить на соковыжималки все, заработанное выматывающим актерским трудом! (Резко хватая телефонную трубку и крутит диск.) Мне надо позвонить! Срочно! Занято! Снова занято!

МИХАИЛ (Липе). Хоть теперь оденьтесь!

ЛИПА. А теперь-то уж зачем? Поздно!

ПОЛИНА. Занято! Занято! Что это может означать? Это несчастье!

МИХАИЛ. Это означает только одно - кто-то разговаривает. На автодозвон поставь! (Ставит ей автодозвон.) И жди! Дурдом какой-то!

Девичий голос (по трансляции). Мамочка, мамочка!

Полина (хватает трубку). Что у вас?

Девичий голос. Температура понижается.

ПОЛИНА. Бегу к вам, бегу!

Девичий голос. Не волнуйся! Как только температура стала понижаться, Сяпочка сразу тебя начала искать. Крутит головой во все стороны и все: "Булочка, где моя булочка?"

ПОЛИНА. Бегу! Хватаю соковыжималку и бегу! Апельсины уже купила!

Девичий голос. Представляешь, сразу тебя начала искать! Такая умненькая!

ПОЛИНА. Бегу! Внученька моя ненаглядная! Передай, что булочка скучает, очень скучает и мчится

к своей внученьке! К ненаглядной, к самой умненькой, к самой сладенькой, к самой родненькой, к самой ласковенькой!

Молодой мужской голос (встревая). Теща! Ау! Соскучились! Ужинать не садимся! Я для вас винегрет сделал, как любите - из одной селедки. А ваша дочка от радости уронила. Сейчас винегрет дожирает Пончик! Пончик, голос!

Слышно, как гавкает собака.

ПОЛИНА. Уймите пса! Сяпочку обеспокоит! А я - сейчас! Бегу с соковыжималкой.

Мужской и девичий голоса (хором). Целуем! Целуем! Целуем! Уррра!

Полина (кладет трубку и с нежностью). Спадает температурка... Бегу!

МИХАИЛ. У детей вообще так - то есть температура, то нет.

ПОЛИНА. Ты-то откуда хоть что-то можешь знать про детей? Куда опять подевалась эта чертова соковыжималка?

ЛИПА. Да вот же ваша соковыжималка!

ПОЛИНА. Вот она, моя миленькая! Бегу!

ЛИПА. Быстрее, быстрее бегите! Без вас не ужинают!

МИХАИЛ. По-моему, вы уж тут слишком раскомандовались! И до сих пор не оделись!

ПОЛИНА. Не надо одеваться! Я все равно уйду! Дайте-ка, рассмотрю напоследок. Ох, ну ох! Повернитесь, пожалуйста!

МИХАИЛ. Полина, не было ничего!

ПОЛИНА. Чай пили! Ты - в смокинге, а она налегке. Я - обманутая жена. Это уже не роль, это амплуа. Но сдаётся мне, что вы-то, Олимпиада, пытаетесь перехватить чужую роль!

МИХАИЛ. Что ты несешь?

Полина (Липе). Думаете, я Майкла впервые вот так вот застукиваю?

МИХАИЛ. Когда ты вообще меня заставляла с кем-то?

ПОЛИНА. Случалось. И не раз! Просто я успевала удрать раньше, чем ты меня замечал. Одно не понимаю: как Олимпиада сюда втемяшилась? При чем она-то? Неужели я слепа и глупа? Неужели нафантазировала? Не могла я так промахнуться!

ЛИПА. А вы и не промахнулись.

ПОЛИНА. Вы - о чем?

ЛИПА. О том же, что и вы.

ПОЛИНА. А я - о чем?

ЛИПА. Это вам виднее.

ПОЛИНА. Не путайте вы меня. У меня и так концы с концами не сходятся.

МИХАИЛ. Не было ничего! Неужели ты не веришь мне?

ПОЛИНА. Верить тебе? После двадцати лет супружеской жизни? Не смеши! Я окончательно сбита с толку.

ЛИПА. Я предложила Михаилу жениться на мне.

ПОЛИНА. Это внезапно. И что? Я застала как раз тот момент, когда Майкл бурно выражал согласие? Я и не подозревала, что двадцать лет в нем дремал подобный темперамент.

МИХАИЛ. Сто раз говорю - это был актерский этюд!

ПОЛИНА. Как вам удалось, Олимпиада, разбудить в нем такую страсть к преподаванию?

ЛИПА. Я предложила ему стать моим мужем всего на один год.

ПОЛИНА. Всего на год? Это гуманно. Я буду ждать, как декабристка. Вы мне его навещать позволите?

МИХАИЛ. Полина, прекрати!

ПОЛИНА. Но чем вы прельстили его? Может быть, вам неприятно это признать, но вы - моя ровесница.

ЛИПА. Не совсем.

ПОЛИНА. Тютелька в тютельку. Да откройте же мне тайну вашего очарования! Неужели вы столь убойно сексуальны?

ЛИПА. За год семейной жизни со мной я предложила Михаилу Александровичу один миллион долларов.

ПОЛИНА. Это сверхсексуально! А если разоритесь?

ЛИПА. А вы не вовсе лишены коммерческой жилки!

ПОЛИНА. С кем поведешься.

ЛИПА. Я плачу вперед.

ПОЛИНА. Дельно! Утром - деньги, вечером - стулья. И как раз, когда я вошла, вы проверяли - а есть ли стулья?

МИХАИЛ. Пошло, Полина! Я в тебе разочаровываюсь.

ПОЛИНА. За миллион-то долларов во мне можно столько недостатков найти! За миллион-то так искренне можно разочароваться! За такие деньги и не такую развалину, как я, бросить можно! Предают и молодость, и красоту, и страсть! Я у Бальзака читала! В какую страну я попала? В каком я веке? Какого романа я героиня?

МИХАИЛ. Спроси лучше - согласился я или нет.

Полина (Липе). Он отказался?

ЛИПА. Он в сомнениях.

ПОЛИНА. Если не выгнал вас сразу, то согласится. (Молчит.) Не позволю! Не позволю в своем доме! Не позволю в своем театре! Театр - это храм! Поруганный, униженный, но храм! И в храме не позволю! Да вы же Сатана! Вы хотите править бал в нашем храме! Вы здесь торгуете? Не выйдет! Вон отсюда! Изыдите! И чтоб ноги вашей не было! Вон! А то зафигачу соковыжималкой по деньгастой-то морде!

ЛИПА. Bravo! Сейчас уйду, только шнурки поглажу. А вы-то, Полина Сергеевна, с чем останетесь? Как вы-то без меня? Подумали прежде, чем горячиться?

ПОЛИНА. Ха-ха-ха! Вы полагаете, что именно ваше присутствие нас всех вдохновляет? (Швыряет ей вещи.) Вот ваши шнурки! И забудьте про театр! А мы будем прекрасно играть без вас долго и счастливо!

ЛИПА. Не выйдет играть без меня!

ПОЛИНА. Я на сцене тридцать лет, и всегда выходило!

ЛИПА. Этот спектакль - моя собственность.

ПОЛИНА. Абсурд! Разве может быть чьей-то собственностью полет птицы? Закат солнца? Буря?

ЛИПА. Не в полет птицы, не в закат и не в бурю, а в спектакль вложила я деньги! Птица пусть летает, сколько осилит. Солнце пусть закатывается хоть трижды в день. А спектакля не будет!

ПОЛИНА. При чем тут ваши паршивые деньги? Думаете, вчера публика смеялась и плакала над вашими деньгами? Мы будем играть на площади, в рублище.

ЛИПА. Кто мешал поступить именно так с самого начала?

МИХАИЛ. Полина, не было ничего! Клянусь, не было! Только не ссорьтесь!

ПОЛИНА. Не прикасайся ко мне, жигало! Какое право имеет она лишать зрителя нашего спектакля? Неужели уже все продается и покупается?

ЛИПА. Абсолютно все!

ПОЛИНА. Это - Апокалипсис! А она - Сатана!

МИХАИЛ. Сатана - мужчина!

ПОЛИНА. При нынешней экологии не разберешь - кто мужчина, кто женщина.

МИХАИЛ. Не было ничего, не было! Помолчи! Олимпиада Николаевна, я попробую вам объяснить. К примеру, если бы вы купили, допустим, картину Пикассо.

ПОЛИНА. Пикассо? Да она никогда не слышала о Пикассо!

ЛИПА. Почему? Как раз рисунок Пикассо я приобрела совсем недавно.

ПОЛИНА. Вы?

МИХАИЛ. Пикассо?

ЛИПА. А что удивительного? Если Пикассо продается, значит, это кому-нибудь надо! Почему не мне?

ПОЛИНА. Значит, вы считаете, что рисунок Пикассо - ваша собственность?

ЛИПА. У меня и документ есть.

ПОЛИНА. И если вам взбредет в голову, вы можете просто взять этот рисунок Пикассо и порвать?

ЛИПА. Пикассо порвать? Я - не сумасшедшая!

ПОЛИНА. А что? Это же ваша собственность!

ЛИПА. Пикассо порвать?! Вы хоть представляете, сколько денег я за него выложила?

ПОЛИНА. Вы - чудовище! Мы росли в одно время, ходили по одним улицам, слушали одни и те же песни, учились в одинаковых школах. А мне инопланетянку проще понять, чем вас.

ЛИПА. Но если мы не будем стремиться понять друг друга, мир рухнет, и погибнем все.

ПОЛИНА. Что ж, искусство по-прежнему требует жертв! Я жертвую, Михаил, тобой. Ухожу! Двадцать лет разрывалась между театром и тобой. А свою дочь подбросила бабушке. И пока я служила тебе и театру, дочь выросла, вышла замуж, родила мне внучку. А я все служила, служила... И заслужила! Театр как-то вдруг разлюбил артистов. Ты, Михаил, затосковал без большой любви. Тебя перестала устраивать тихая гавань в моем лице. Отстоялся в гавани после двух браков по безумной и страстной любви. И снова потянуло в открытое море. И куда бы я себя девала, если бы не дочка? Вдруг оказалось, что и дочка, и внучка, и даже зять меня любят! Я подобрала на улице собаку и привела не сюда, а к ним! Собака вошла в квартиру и похватила горячие пончики прямо из кипящего масла, такая была голодная. И они и собаку тоже полюбили. И назвали Пончиком. И мне кажется, что и я хватаю пончики из кипящего масла. Я не заслужила их любви. Они меня любят просто так. Без заслуг. И когда я ночую в их крошечной квартирке, мне кажется, что воздух в ней напоен ароматом любви. Ароматом забытых грез. Я смотрю сквозь их окно на луну, и мне больно, мне физически больно от счастья. А как преданно служила я театру и тебе. Двум идолам! И вы пережевали меня и выплюнули. Не нужна! Кончилось время таких, как я! Теперь всюду деньги! Где взять деньги на спектакль? Где взять деньги на гастроли? Деньги, деньги... Это же мы, творческая интеллигенция, сначала в своих тесных кухнях, а потом с высоких трибун подготовили этот переворот. И нами же теперь пренебрегают?

ЛИПА. История никогда не стряпалась на кухнях и не вершилась с трибун.

ПОЛИНА. Вот вы, новые русские, казалось бы - наворовали, нахапали, ограбили... Спасите же театр! Где Третьяковы, Мамонтовы, Морозовы? Где они? Где?

ЛИПА. Морозов, кажется, застрелился.

ПОЛИНА. Застрелился из-за любви к артистке!

ЛИПА. Допомогался! Нет, пример Морозова меня не манит!

ПОЛИНА. А вы любовь покупаете! Из-за вас не застрелится никто!

ЛИПА. Не успеваем. Нас отстреливают со стороны.

ПОЛИНА. Я ухожу от тебя, Михаил! Ухожу туда, где меня любят. И где мою любовь не продадут за миллион долларов! Здесь я задыхаюсь. Где соковыжималка?

ЛИПА. Правильное решение. Уходите! А я даю вам сто тысяч долларов отступного!

ПОЛИНА. Мне? Зачем? Я ведь и так ухожу?

ЛИПА. В сделках я разбираюсь лучше вас.

ПОЛИНА. Это глупо! За что? Сто тысяч! Ничего себе! За что, если я и так ухожу?

МИХАИЛ (сварливо). Не транжирьте наши деньги! На театр не хватит! Пусть уходит от меня бесплатно!

ЛИПА. Не волнуйтесь, я деньги считать умею. Просто мне нужны твердые гарантии.

ПОЛИНА. Гарантии? Какие гарантии? Михаил сегодня или завтра выбросит меня, как ненужную вещь. Мне у вас деньги брать просто не за что! Правда, Михаил?

МИХАИЛ. Олимпиада - посторонний человек для нас. Не будем ничего при ней выяснять. Ей это неинтересно.

ЛИПА. Мне все интересно. И я знаю, что я делаю. Возьмите деньги, Полина!

ПОЛИНА. Вы это всерьез?

ЛИПА. Сто тысяч долларов!

ПОЛИНА. Как смеете вы меня оскорблять?

ЛИПА. Купите дочке квартиру.

ПОЛИНА. Я не продаюсь!

ЛИПА. А то аромат забытых грез испарится, и запахнет раздражением, плохим настроением, конфликтами. Последнее, что у вас осталось, потеряете. Как вам жить-то, если и дочку потеряете? А впрочем, уговаривать не стану.

ПОЛИНА. А могли бы для приличия и поугovarивать... Что ж, возьму без уговоров. Мне стыдно, но я возьму.

МИХАИЛ. Молодец! Мною здесь торгуют и оптом, и в розницу. Просто какая-то хижина дяди Тома!

ПОЛИНА. Я не ради себя. Действительно, тесно в однокомнатной квартире. И дочка, и внучка, и зять, да еще я собаку привела. И сама намерена к ним переселиться. Не хочу, чтобы наша любовь к друг другу требовала от нас постоянных усилий, подвигов, терпения. Этих ваших тысяч на квартиру хватит?

ЛИПА. На большую светлую квартиру. С евроремонтом.

ПОЛИНА. Сто тысяч... Наверное же, надо какие-то налоги уплатить...

ЛИПА. От налогов уйдем!

ПОЛИНА. Что вы? Я законопослушна.

ЛИПА. Тогда - без евроремонта.

ПОЛИНА. Да у меня зять на все руки! Да я сама возьму кисть! Что угодно возьму! А Распяттов не откажется в последний момент жениться на вас? Не сбежит из-под венца?

ЛИПА. От меня не сбежит.

МИХАИЛ. Сбегу? Нет, что ты, Поленька? Разве я могу так огорчить тебя?

ПОЛИНА. Не хочу накаркать, но вы, Липа, не совсем в его вкусе. Его идеал - Джульетта. Невинность, чистота, молодость. А вы просто Мессалина какая-то! Я не хочу вас обидеть, но вы вульгарны. Это пурпурное порнографическое одеяние! Вы что, каждый день вот в такой вот боевой готовности? Или вырядились, чтоб моего Распятова соблазнить? Вы бы хоть со мной посоветовались! Ничего, что я рассматриваю? Ужас! Разве приличная женщина, мать, бабушка может так расхаживать? Как вы додумались до такого? Где покупали? Как продавцов не постеснялись? Вам же столько лет, сколько и мне! Неужели вы думаете, что вот эта вот порнография делает вас соблазнительнее и моложе? У нас с вами возраст элегантности. Михаил, я спрашиваю тебя как постороннего мужчину - вот это вот все на женщине возбуждает тебя?

МИХАИЛ. Из последних сил дожидаюсь, когда ты уйдешь наконец со своей соковыжималкой! И я смогу наброситься на Олимпиаду Николаевну! ПОЛИНА. Я всю жизнь была элегантной, приличной интеллигентной женщиной. О, как же мне это осточертело! Хочу быть развратной, вульгарной, порочной! Решено! Приобретаю точно такое же белье, как у вас, Олимпиада. Конечно, если после покупки квартиры, у меня останутся деньги. У меня впервые в жизни будет отдельная комната. И я буду ходить по этой отдельной комнате в эротическом белье!

ЛИПА (достаёт из своей сумки что-то упакованное в фирменный пакет и перекидывает Полине). Дарю.

ПОЛИНА. Что это? (Разворачивает - там точно такое, как на Липе, белье.) Вы закупаете это оптом?

ЛИПА. Просто на два комплекта давали скидку.

ПОЛИНА. Принимаю. Сейчас же померю. Зачем промедления?

МИХАИЛ. Вот это ты наденешь на себя? Может, прекратим балаган?

ПОЛИНА. Мы - артисты! Наше место в балагане.

МИХАИЛ. Полина, я должен с тобой серьезно поговорить. Что ты делаешь?

ПОЛИНА. Раздеваюсь.

МИХАИЛ. Прямо здесь?

ПОЛИНА. Я еще пока у себя дома.

МИХАИЛ. Ты окончательно спятила?

ПОЛИНА. Пока ты еще мой муж.

МИХАИЛ. Мы здесь не одни.

ПОЛИНА. Ну и что? Гостья наша практически голая. Хорошо, хорошо, переоденусь в ванной. Если тебе уже так противно на меня смотреть. (Уходит в ванную.)

МИХАИЛ. Олимпиада Николаевна, вам лучше сейчас уйти. Сами видите - нам сейчас не до ваших денег. И вообще я и Полина деньги всегда презирали. Есть они - устраиваем пир горой. Нет - жуем яичницу. Свалится заработок - махнем отдохнуть на море. Оказались на бобах – перекантуемся у друзей на даче. Нет у Полины платья на выход - одолжит у подруги. Зато когда я получил госпремию, подарил ей бриллиантовое кольцо. У нас много друзей - всегда есть у кого перехватит в кризисные моменты. Мы равнодушны к деньгам, Олимпиада. Ваши чаяния нелепы.

ЛИПА. Как я и предполагала, вы - рабы денег. Вся ваша жизнь, ваши планы, ваше настроение - все, все рабски зависит от денег. Привычка к рабству делает вас не менее, а еще более рабами. Вы зависите от денег легкомысленно и безвольно. Ваше презрение к деньгам - это презрение раба к господину! А между тем, будь у вас деньги, вы бы создали свой театр. Сколько у вас планов, замыслов, идей. И всему этому суждено уйти в небытие. А ведь вы сумели бы их воплотить. И, кто знает, возможно, ваш театр пережил бы вас и долго бы радовал благодарных потомков.

МИХАИЛ. Если вход в вечность зависит от денег, я отказываюсь от бессмертия. Я люблю, люблю безумно, люблю так впервые в жизни. Вам не понять меня, если вы думаете, что миллион долларов может быть важнее любви.

ЛИПА. Деньги - это не менее значительно, чем любовь. И выбирать следует то, что даст вам возможность в этой единственной жизни созидать. Все не просто. Любовь может унижить, превратить вас в ничтожество, разрушить вашу жизнь и лишить вас будущего. Деньги могут возвысить, дать возможность исполнить ваше предназначение на этой земле. Ох, как все не просто, Михаил Александрович.

МИХАИЛ. Вы - странная женщина. Меня тревожат ваши речи. Уж не Сатана ли вы на самом деле?

Полина (появляется почти в таком же наряде, как у Липы, и принимает "эротическую" в ее понимании позу). Ну, как? Долгая пауза. А знаете, Олимпиада, как ни странно, мне нравится, что вы даете мне сто тысяч долларов! Я пересмотрю свое отношение к деньгам. Я уже начинаю испытывать к ним нежность. Я в них влюбляюсь. Моя бабушка была дворянкой. Не из бедного, кстати, рода. У меня, наверное, гены от нее. Я хочу просторный красивый дом. И в нем покой и радость. И чтоб к ужину собиралась семья. И хрустела белая крахмальная скатерть, и мерцал при свечах фарфор и хмельная киноварь в высоких узких бокалах.

МИХАИЛ. Именно бабушкины гены нашептывают тебе, что к семейному ужину следует являться в таком виде?

ПОЛИНА. Неужели тебе не нравится?

МИХАИЛ. Не нравится? Да у меня просто глаза разбегаются.

ПОЛИНА. Теперь я с мужчинами только так. Не нравлюсь сексуально - пошел к черту! Сначала секс, а потом уже тонкая душа, талант, неземная доброта, уступчивость, услужливость и прочее. Но сначала - секс. И только так!

МИХАИЛ. Да здравствует новое, нет, новейшее мышление! Такая ты мне интересна!

ПОЛИНА. Прямо при Олимпиаде Николаевне? Я, конечно, уже несколько раскрепостилась, но еще не настолько.

МИХАИЛ (настойчиво тянет ее за руку к входной двери). Выйдем на минуточку!

ПОЛИНА. Зачем ты тянешь меня на лестницу? Ты обезумел от желаний?

МИХАИЛ (выталкивает ее на лестницу). Постой за дверью и подумай! (Захлопывает дверь.)

Полина (колотит в дверь). С ума сошел? Я простужусь.

МИХАИЛ (через закрытую дверь). А ты не стой на месте! Ты прыгай!

ПОЛИНА. Меня изнасилуют!

МИХАИЛ. По-моему, ты только об этом и мечтаешь.

ПОЛИНА. Открой, негодяй!

ЛИПА (подходит к двери). Впустите ее! Она - знаменитая актриса.

МИХАИЛ. Вот вы ей и откройте!

Липа открывает дверь, и Михаил резко выталкивает на лестницу и ее. А дверь запирает.

ЛИПА. Михаил Александрович, вы с ума сошли?

МИХАИЛ. Орать не советую. Народ сбежится.

ПОЛИНА. Ты вообще соображаешь, в каком мы виде? Здесь же не Пляс Пигаль, а Северное Бутово.

МИХАИЛ. У вас есть шуба.

ПОЛИНА. Одна на двоих? Даже на Пляс Пигаль себе такого не позволяют. Там на каждой голой проститутке индивидуальная шуба.

МИХАИЛ. Обойдетесь одной шубой на двоих. Вы же не профессионалки!

ПОЛИНА. А если кто-то пройдет по лестнице? Меня узнают!

МИХАИЛ. Узнают - дашь автограф! Я приму душ, через час уйду, а вас впущу обратно.

ПОЛИНА. Негодяй! Я спешу к внучке.

МИХАИЛ. Но я же тебя не запер, а совсем наоборот.

ЛИПА. Михаил Александрович, хватит - открывайте.

МИХАИЛ. А вы мне деньги предложите. Миллиончиков за пяток открою. В дол-ларах! В кровных не берем.

ПОЛИНА. Открой! Я заберу соковыжималку и уйду от тебя навсегда.

МИХАИЛ. Выйди на улицу - я соковыжималку выкину тебе в окно.

ЛИПА. Михаил Александрович, я в вас разочаровываюсь.

МИХАИЛ. А чего вы ждали от мужчины, которого планировали купить за миллион? Благородства? Интеллигентности?

ПОЛИНА. Миша, хватит. Ну, извини меня.

МИХАИЛ. Если ты извиняешься...

ЛИПА (перебивает его). Ах, как я раскаиваюсь, что отдалась вам нынче!

ПОЛИНА. Все-таки - было! Какое же ты дерьмо, Майкл! Муженек мой! Бывший! Сколько тебе уже заплатили? Содержант!

ЛИПА. Не размахивайте языком! Лифт едет!

ПОЛИНА. Нет, только не это! У нас сосед - священник. Он как раз в это время возвращается из церкви. И мы с ним немного беседуем на божественные всякие темы. Скорее, скорее укройте меня шубой! Чего она у вас такая коротенькая? При ваших-то деньгах можно и подлиннее, и пошире. Это же просто несолидно в вашем положении! И непрактично, сами убедились. Уже идет. Как вы думаете, мне с ним здороваться? Наверное, с вами его знакомить сейчас не стоит. А если сделать вид, что мы увлечены беседой? Отвернемся от него и будем беседовать. Ну, беседуйте же со мной!

ЛИПА. О чем здесь можно беседовать в голом виде на лестнице?

ПОЛИНА. О чем угодно! О Пикассо. Значит, вы приобрели полотно Пикассо? И как оно вам?

ЛИПА. Ну, Пикассо как Пикассо. Я Пикассо не увлекаюсь. Я в него просто деньги вложила.

К ним подходит Натуся с бутылкой шампанского в руках.

НАТУСЯ (невозмутимо, приветливо). Здравствуйте, Полина Сергеевна! И вы здесь, Олимпиада Николаевна! Добрый вечер!

ПОЛИНА. Наташенька! Детонька! Это ты? Даже не представляешь, как ты кстати!

НАТУСЯ. Почему не представляю? Это же очевидно! Ключи в квартире оставили? Дверь захлопнулась?

ПОЛИНА. Да. Ключи в квартире. Там они, в квартире. Да.

НАТУСЯ. Вижу, вы еще премьеру празднуете до сих пор!

ПОЛИНА. Это - да. Празднуем вовсю! Событие все-таки!

НАТУСЯ. Ну что - будем дверь ломать? Поискать слесаря?

ПОЛИНА. А может быть, Михаила Александровича попросить открыть?

НАТУСЯ. А Михаил Александрович где?

ПОЛИНА. Он там, внутри.

НАТУСЯ (звонит в квартиру). Михаил Александрович? Вы здесь? Это - Натуся!

МИХАИЛ (распахивает дверь и протягивает к ней руки). А я собираюсь к тебе. Хорошо, что ты пришла, а то могли бы разминуться. Вот - женщина, которую я безумно люблю. Она пришла! Вот она!

Действие второе

Прошло полчаса. Квартира та же и все те же. Михаил в том же смокинге, но дамы одеты прилично и подтянуты. Полина говорит по телефону: "Выхожу! Извини, задерживаюсь. Но выхожу буквально вот-вот. Проснулась и спрашивает бабулечку? Солнышко мое, радость моя! Выхожу! Скажи ей, скоро-скоро булечка явится и самолично сделает ей свежий апельсиновый сок. Для этого у булечки теперь есть все. Выхожу!" Присаживается к столу. Теперь все женщины, с прямыми спинами, чинно сидят вокруг стола. Натуся трепетна, Михаил, ссутулившись над бутылкой, заканчивает открывать шампанское. Хлопок, струя ударила из бутылки, Михаил разливает по приготовленным бокалам. И все это в неестественной статике. И никто из женщин к бокалу не тянется.

МИХАИЛ (с полным бокалом выпрямляется). Хотел сказать в иной обстановке. Но приходится сейчас. (Торжественно.) Полина! Я полюбил другую женщину.

ПОЛИНА. Типично для твоего возраста.

ЛИПА. Видите, Полина, ваша интуиция имела почву.

МИХАИЛ. Ты не виновата. Тут промысел судьбы. Я и Натуся друг для друга созданы. А с тобой, Полина, мы привыкли жить без любви. И даже не замечаем, что наша единственная жизнь протекает в отсутствии счастья. А ведь человек рожден для счастья, как птица для полета. Это просто, но мы забываем. А забывать нельзя. Я обрел второе дыхание. Я стремлюсь к успеху. Мне легко и весело. Хотя и больно за тебя, ПОЛИНА. Но ты простила бы, если б могла услышать ту мелодию, что звучит в моей душе.

ПОЛИНА. Слышу разборчиво. Довольно банальная мелодия. Мотивчик примитивный. Плакала моя новая просторная квартира. Рассыпаются прахом надежды на семейные каждодневные ужины под уютным розовым абажуром.

ЛИПА. Не отчаивайтесь! Судьба переменчива и непредсказуема. Я испытала это лично. И много раз.

МИХАИЛ. Вы, Олимпиада Николаевна, умны и наблюдательны. Вы попали в точку; я мечтаю создать театр. И я способен создать театр! Но эта юная женщина, моя Джульетта, моя Офелия, выше для меня любой мечты и заменит мне весь мир! Я люблю и восхищаюсь, я дышу ею. Извини меня, Полина, за эту бестактность. И ни за какие миллионы не откажусь от нее. Разве мыслимо предать чистоту, невинность, слабость? Разбить это святое доверие? Сломать юную жизнь? Полина, Олимпиада Николаевна, обе вы умны и великодушны. Проявите широту - выпейте за наше счастье! (Выпивает первый и бросает бокал об пол.)

Женщины едва пригубляют.

ПОЛИНА. И на нашей свадьбе точно так же хлопнул бокал. Жены меняются, привычки остаются. Но тогда бокал не разбился. Он был не хрустальный, а из толстого прочного стекла.

ЛИПА. Да и шампанское на вашей свадьбе наверняка было получше. Это-то совсем неважное. Подделка. Шампанское следует покупать только в фирменных магазинах.

НАТУСЯ. Угадали. Купила по пути в киоске.

МИХАИЛ (обнимает и целует Натусю). Прекрасное шампанское! (Наливает себе и ей.) Выпьем, моя радость! За тебя, любовь моя!

Полина (залпом выпивает свое шампанское до конца и хлопает бокал). Просто балдею, как непринужденно нынче молодые женщины уводят мужей! Без комплексов! В присутствии жен!

ЛИПА. И как, Полина, вы намерены поступить? Ваши действия? Оттаскаете за волосы, плеснете в лицо сопернице серной кислотой?

ПОЛИНА. Накал чувств не таков. А я никогда не переигрываю ни в жизни, ни на сцене.

МИХАИЛ. Мы - интеллигентные люди, Олимпиада Николаевна. Пора, Натуся. Прощаемся и уходим навсегда. (Подает ей пальто.)

Пауза.

НАТУСЯ (несколько раз пытается заговорить, производит неопределенные незавершенные жесты. Видно, что ей не просто. Пристально глядит в лицо Михаилу, жалобно и робко). Михаил Александрович, я пришла сегодня не для того, чтобы увести вас отсюда.

ЛИПА. Внимайте же, Полина! А то пропустите поворот судьбы. И не успеете вписаться!

НАТУСЯ (крайне виновато). Я, наоборот, пришла, чтобы попрощаться. Я пришла, чтобы уйти.

ПОЛИНА. Это судьбоносно! Майкл, честное слово, к краху твоего счастья я не причастна ни сном ни духом.

НАТУСЯ. Я расстаюсь с вами, Михаил Александрович! (Заплакала.)

ПОЛИНА. Олимпиада, мне ее жалко. Как некстати вспыхнул материнский инстинкт.

ЛИПА. Инстинкт советую задавить. Чую, есть, есть кому утешить Натусю.

НАТУСЯ (как школьница). Простите меня, Михаил Александрович! Простите меня все!

МИХАИЛ. Ничего не понимаю. Маленькая моя, глупенькая, чем я тебя обидел?

НАТУСЯ. Да разве вы способны обидеть? Вы, такой нежный, такой гениальный! Вы сейчас в этом смокинге так элегантны, так привлекательны... (Рыдает.)

МИХАИЛ. Натусенька, ангел мой, дитя мое, смешная моя девочка, успокойся. Что стряслось?

(Обнимает ее и ладонью утирает ей слезы.)

НАТУСЯ (отчаянно всхлипывает). Я вас так люблю. И Полину Сергеевну очень люблю!

ПОЛИНА. Меня в данной ситуации любить не обязательно.

НАТУСЯ. Вы - великая актриса, Полина Сергеевна. Я никогда не вру.

ПОЛИНА. Да и ты неплохая актриса, Натуся! В твоем возрасте мне далеко было до подобных успехов.

ЛИПА. Наша юность прошла в ином жанре!

НАТУСЯ. И вы, Олимпиада Николаевна, не обижайтесь на меня! Я ухожу.

ЛИПА. И пора! Не поселиться же тебе здесь! Вот тебе тысяча долларов от нас с Полиной! (Достает из сумочки и протягивает Натусе.)

НАТУСЯ (не берет). Мне?

ЛИПА. Пусть хоть немного тебя утешит. Деньги для женщин - прекрасное терапевтическое средство. Главное, не передозировать.

НАТУСЯ. Но за что?

ЛИПА. Просто за то, что ты такая, какая есть.

НАТУСЯ. Спасибо. (Берет.) Спасибо! (Смущенно смеется.) Как здорово! Я даже знаю, что сейчас куплю. Такой широкий итальянский сарафан. Из натуральной кожи. Я недавно мерила, но денег все равно не было.

МИХАИЛ. Прекратить! Что случилось, Натуся?

НАТУСЯ. Ничего!

МИХАИЛ. Ничего? Ложь!!!

НАТУСЯ (виновато). Просто оказалось, что я люблю другого человека. (Снова заплакала.)

МИХАИЛ. То есть - как это оказалось?

НАТУСЯ. Я окончательно поняла только сегодня утром. А раньше просто никак не могла понять, кого же все-таки люблю больше - его или вас? Я очень страдала. Тем более, что вы гораздо лучше его! Честное слово! Но даже вопреки этому окончательно я люблю все-таки, к сожалению, его.

ПОЛИНА. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

МИХАИЛ. Натуся, что ты говоришь? Все вы с ума сошли! Я не понимаю. У нас же будет ребенок! Ты... ты нашего ребенка...

НАТУСЯ. Ой, что вы, Михаил Александрович! Ребенок - это святое! Он будет, будет, даже не сомневайтесь! Я его так хочу, я его так жду... И он, ну тот, про кого я поняла наконец-то, тоже ждет... Он очень рад, что будет ребенок... Он его уже сейчас любит!

МИХАИЛ. Какое право он имеет любить моего ребенка? Я не отдам! Я... я набью ему морду! Я его убью! Кто он?

ПОЛИНА. Майкл, ты не запамятовал, что мы - интеллигентные люди?

МИХАИЛ. Не болтай ерунды! Кто он, Натуся? Какое он имеет право радоваться моему ребенку?

НАТУСЯ. Немножко имеет право. Это ведь, понимаете, и его ребенок наполовину.

МИХАИЛ. Как это - наполовину его ребенок? Так не бывает, Натуся!

НАТУСЯ. Бывает иногда.

МИХАИЛ. Чей ребенок, отвечай! (Трясет ее.) Я не хочу наполовину! Мне не надо полребенка! Не надо мне ваших подачек!!!

НАТУСЯ (принимает покорно, но снова рыдает). Откуда же я могу знать это точно? Вот родится, и посмотрим - на кого похож! Я так хочу, чтобы он был похож на вас!

МИХАИЛ (отпускает ее). Натуся, ты говоришь ужасные вещи! (Кричит.) Этого не может быть! Не верю! Я убью тебя, его, себя!

ПОЛИНА. Не смей кричать на беременную женщину!

НАТУСЯ. Пусть кричит! Я потерплю!

ЛИПА. Вот - истинное великодушие!

МИХАИЛ (стонет). Чей ребенок?

НАТУСЯ. Не расстраивайтесь так, Михаил Александрович! Какая разница по большому счету - чей ребенок? Главное, мы все трое его хотим и будем любить! А вы будете ему крестным!

ПОЛИНА. И у моей дочери тоже Михаил был крестным.

ЛИПА. Мужчины любят начинать сначала.

МИХАИЛ (смотрит в лицо Натусе, потрясенно). Скажи, ты мне все время изменяла?

НАТУСЯ. Нет.

МИХАИЛ. Это сумасшедший дом! Был у тебя другой мужчина или нет?

НАТУСЯ. Нет. Только вы и он. Я не могла решиться на выбор. А как только выбрала, так сразу пришла и честно вам говорю. Только ему ничего не рассказывайте. Он про вас не знает. Он не такой хороший, как вы! У него предрассудки. С ним вообще очень не просто. Михаил Александрович, мне так нужна ваша дружба и... любовь! Я одна с ним не выдержу. Вы не представляете, какой он тяжелый человек. И ваша дружба, Полина Сергеевна, тоже мне очень нужна! И вам, Олимпиада Николаевна, спасибо за все. А сейчас я лучше пойду. Мне очень грустно.

ЛИПА. Иди! Иди! Правильно.

МИХАИЛ (Липе). Не манипулируйте нами! Натуся, это ошибка! Это - роковая ошибка! Ты просто слишком молода! Тебе - девятнадцать! Это что-то нереальное для меня. Я совсем не понимаю - как это, девятнадцать лет. Детей у меня не было. А себя девятнадцатилетнего я совсем забыл. Тут что-то не так! Мы разберемся. Поверь моему жизненному опыту!

ПОЛИНА. Этот опыт у него действительно есть, Натуся.

НАТУСЯ (горько плачет). Михаил Александрович, не уговаривайте! Не мучайте меня! Вы не представляете, какая трагедия для меня - расстаться с вами! Я люблю вас, как никогда никого не любила.

МИХАИЛ. А почему же бросаешь меня? Я - идиот. Я понял - он тебя запугивает! Идем к нему сейчас же!

НАТУСЯ. К нему нельзя! Он в своих чувствах ко мне не разобрался! А тут еще и вы явитесь! Я вас безумно люблю, Михаил Александрович! (Плачет.) А его я люблю совсем на чуть-чуть больше. Вот на столечко всего! (Показывает пальчиками.) Не терзайте меня, Михаил Александрович! Это для ребеночка вредно. (Порывисто убегает.)

ПОЛИНА. Я злорадствую! Я торжествую! Я бью лежачего! Я бросаю тебя в трудную минуту! Я не подаю милости падшему! И всего этого я не делаю с огромным удовольствием! О, с каким наслаждением я бросаю тебя в трудную минуту! О, как давно я мечтала унижить тебя и бросить именно в трудную для тебя минуту.

МИХАИЛ. Боже мой! Где я? Кто со мной рядом? Кому верить? Этот невинный, преданный взгляд. Кроткий любовный лепет. И все это время у нее был другой мужчина.

ПОЛИНА. А на тебе она тренировалась. Не суди по мне обо всех женщинах! Это опрометчиво. Ибо я - дар судьбы, посланный тебе. Но ты этим даром пренебрег!

ЛИПА. Восхищаюсь артистами! Не только на сцене, но и в жизни вы говорите красиво.

МИХАИЛ. Что ж, Полина, продавай меня за квартиру!

ПОЛИНА. У тебя такая интонация, как будто я продешевила.

ЛИПА. Сделка выгодная. По сути, Полина продает то, что вот-вот и так потеряет. Хотя - как знать, как знать? Судьба делает такие выражи.

МИХАИЛ. Берите меня, Олимпиада! Я ваш. Женщина, с которой я прожил двадцать лет, продает меня за сто тысяч долларов. Другая женщина, которой я верил больше, чем себе, больше, чем родной матери... Она смотрела на меня, и у нее зрачки дрожали от любви... Смотрела так, будто я лучший из мужчин во всей галактике. И что же? Оказалось, что она просто скачет из постели в постель.

ЛИПА. Да, нравы заметно пали.

МИХАИЛ. Я так ждал этого ребенка. Мне уже почти шестьдесят, но это был бы мой первый ребенок. Что такое первый ребенок в шестьдесят лет? Женщинам этого не понять!

ЛИПА. Для женщины первый ребенок в шестьдесят лет - это уникально. Но в принципе я вас понять могу.

МИХАИЛ. Вы, все-таки, тоже женщины, ответьте мне: разве можно играть такими чувствами? Кто она? Жестокая злодейка? Или дитя, не ведающее, что творит?

ЛИПА. Эгоистка. Но, в сущности, кто из нас ведает, что творит он сам?

МИХАИЛ. Я потерял все. Рухнули мои надежды. Полчаса назад я ощущал себя юношей, начинающим жить. Сейчас я глубокий старик, для которого жизнь уже не имеет смысла. У меня устала душа. Что ж, Липа, я продам вам свою опустевшую душу. Театр - прекрасная плата за умирающую душу. И только театру служу отныне. И посвящаю театру всего себя без остатка. Берите меня! И дайте мне театр!

Звонок. Все остаются на месте.

НАТУСЯ (открывает дверь и входит). А у вас не заперто! Ничего не случилось?

МИХАИЛ. Вернулась? Я спасен! (Хватает ее на руки и кружит.) Спасен! Спасен!!!

ПОЛИНА. Ребенок у них точно родится идиотом.

МИХАИЛ. Я сходил с ума! Девочка моя ненаглядная! Душа моя! Как ты меня напугала? Я действительно сходил с ума! Мне даже вдруг представилось, что наша милая Олимпиада Николаевна не кто иной, как Сатана. И покупает у меня душу. А взамен дает мне театр! Я спасен! Спасен!

НАТУСЯ. Михаил Александрович, да что же это такое с вами? Так я и знала. Ой, как я боюсь за вас! Вы такой тонкий! Полина Сергеевна, смотрите за ним повнимательней! Не отходите от него ни на минуту. С ним надо так тонко!

ПОЛИНА. Раньше надо было думать.

МИХАИЛ (ставит ее на пол). Что ты говоришь, Натуся? Мы с тобой вместе уходим! Сейчас же, немедленно!

НАТУСЯ. Олимпиада Николаевна, вы - лицо незаинтересованное! Хоть вы не отходите от него, пожалуйста! Ни на миг! Ни днем, ни ночью.

ЛИПА. Не волнуйся, я от него год не отойду.

НАТУСЯ. Он сейчас на все способен! Он... (шепотом) он наложит... руки на себя! Потому что любить умеет. Вы уникальный гений любви, Михаил Александрович!

ПОЛИНА. Что же ты гениями раскидываешься?

НАТУСЯ. Не повезло! Одновременно встретила двух таких людей. И при этом они абсолютно разные. Михаил Александрович - великий артист, а тот скромный управляющий банком. Михаил Александрович прожил большую интересную жизнь, а тот совсем зеленый, ему еще до тридцати далеко. Михаил Александрович при-знает только духовные ценности, а тот помешан на том, чтобы делать деньги...Представьте, как трудно мне было выбирать...

ЛИПА. Между старым и молодым, богатым и бедным действительно выбрать не легко. А сердце не подсказывало?

НАТУСЯ. А сердце - сегодня одно, завтра другое. Я измучилась. А ведь с Михаилом Александровичем полгода в одном спектакле репетировали. Это сближает.

МИХАИЛ. Нет! Нет!!! Не понимаю! Ничего не понимаю!!! Перед глазами туман. Заболеваю.

НАТУСЯ. Этого я и боялась. Михаил Александрович, миленький, я люблю вас безумно. Вы так интересно рассказываете, так умеете выслушать, всегда помогаете мне на сцене...

МИХАИЛ. Зачем же бросаешь меня?

НАТУСЯ. Его люблю вот на чуточку больше! Совсем на такуюсьенькую чуточку.

ЛИПА. Тогда зачем вернулась-то, Джульетта?

НАТУСЯ. Разволновалась. Вдруг Михаил Александрович что-то с собой сделал? Помчалась сюда, как угорелая. Опоздать боялась.

ЛИПА. А теперь, как угорелая, беги-ка ты отсюда.

МИХАИЛ. Не мешай ей покупать мою душу.

НАТУСЯ (плачет). Вот что он такое говорит? Как это можно душу продать?

ЛИПА. Как можно продать душу, неведомо лишь тем, у кого души никогда не было.

МИХАИЛ. Сатана, точно - Сатана.

НАТУСЯ. Он вас Сатаной назвал, Олимпиада Николаевна!

ЛИПА. Не ябедничай! Настоящий контракт заключен между Олимпиадой Николаевной Сидоровой, именуемой в дальнейшем Сатана, и артистом академического обанкротившегося театра Михаилом Александровичем Распятовым, именуемым в дальнейшем Жених...

НАТУСЯ. Вы чего пили? Может, у вас массовое отравление? Вы грибами не закусывали?

МИХАИЛ. Зачем ты вернулась, если ты не вернулась?! Тебе мало показалось разбить мне сердце. Ты вернулась взглянуть на осколки! Смотри! Вот они!

НАТУСЯ (отступает от него). Михаил Александрович, это же вы бокал разбили...

МИХАИЛ. Я задушу тебя, как Отелло Дездемону, утоплю, как Гамлет - Офелию...

НАТУСЯ. Михаил Александрович, успокойтесь! Мы будем видеться!

ПОЛИНА. Прекрати, Михаил! Она же беременна! И, может быть, даже от тебя! А тебе, Наташа, лучше уйти!

ЛИПА. Вот тебе две тысячи долларов! И иди, иди!

НАТУСЯ. Почему вы все время даете мне деньги? Я боюсь вас.

ЛИПА. Ступай, не до тебя!

НАТУСЯ. Ну, ладно, спасибо, возьму. Хотя это странно. (От порога, пронзительно.) Михаил Александрович!

МИХАИЛ (встрепенулся, с последней надеждой). Натуся!

НАТУСЯ. Берегите себя! Прощайте навсегда! (Порывисто выходит.)

ЛИПА. Торги продолжить можно?

МИХАИЛ. Я теперь полностью ваш.

ЛИПА. Это решение окончательное?

МИХАИЛ. Сами видите - больше я не нужен никому.

ЛИПА. Я не могу зависеть от настроения Натальи. Нам с вами надо подписать контракт.

МИХАИЛ. Контракт? (Хохочет.) ЛИПА. У меня с собой. (Роеся в сумочке.) Это не тот. Это на поставки серы. Миллион долларов - деньги большие. Как же отдать без контракта?

МИХАИЛ. Контракт... У тебя, Полина, всегда была фантастическая интуиция. Это - Сатана. Конец тысячелетия должен быть означен чем-то подобным. Я грешник уже потому, что играю в театре. Это греховно - жить чужими жизнями. Я грешен, что хотел бросить тебя и жил в блуде с девицей, которая годится мне во внучки.

ПОЛИНА. Ну, немножко пожил в блуде. Блуд в наше время - дело будничное. И по сравнению с тем, что вообще вокруг творится, самое невинное. Кто сейчас кается в блуде? Ты меня пугаешь!

МИХАИЛ. А она тебя не пугает? Контракт не настораживает?

ПОЛИНА. Контракт - вот что действительно странно.

ЛИПА. Господа, опомнитесь, сейчас в России каждую минуту тысячи контрактов подписываются. И что же - все происки Сатаны? Вот - контракт! Подписывайте!

МИХАИЛ. Кровью?

ЛИПА. Золотом! Вот вам мой паркер. (Дает ему ручку.)

МИХАИЛ. Что подписывать? Это же просто белый лист?

ЛИПА. А вы попробуйте зачитать контракт вслух! Ну, ну! Я создам Театр...

МИХАИЛ. Я создам Театр...

ЛИПА. Ну-ну, смелее!

МИХАИЛ. Я создам Театр... Театр, который будет только радовать и развлекать. Потому что развлечение - не пустяк, а огромная душевная потребность. Трибуна - политикам, кафедра - ученым, амвон - церкви. А театр - обывателю! Зрители хотят плакать и смеяться, верить в любовь и в то, что каждому воздастся по его вере и надежде. И никогда на сцене моего театра обыкновенный человек не будет унижен, осужден, зло осмеян в своих слабостях. И никогда со сцены моего театра не ткнут зрителю - взгляни на себя, какое ты ничтожество; твои тайные помыслы гадки, ты способен на самое страшное, твое подсознание просто помойка! Лишь чувства добрые, лишь веру в себя и любовь к себе и восхищение собой у каждого человека пробудит мой театр. И жажду товарищества и стремление к терпимости и пониманию другого человека! И каждый зритель по окончании спектакля с легким сожалением покинет театральное кресло и по-новому пусть хоть ненадолго взглянет на этот мир - какое счастье, какой праздник просто жить и чувствовать! И ты, Полина, будешь блистать на сцене такого театра! Блистать истинным блеском своего таланта и своей души! В жизни наши дороги разошлись, но ведь в театре ты останешься со мной?

ПОЛИНА. Нет. Я покидаю театр. Пора, пора... Довольно! Устала жить чужими жизнями. Где моя единственная жизнь? Где? (Хватает из стола фотографии и раскидывает, пока говорит.) И вот это все я? И это моя жизнь? Наф-Наф в "Трех поросятах", седьмой козленок в "Волке и семерых козлятах"... А вот и главные роли! Обезьянка Чичи, Красная

Шапочка! А вот и вершины - Огудалова, леди Макбет... А где же я? Где мои долгие зимние вечера с единственной дочкой? Где прогулки по берегу моря? Где хоть одна ночь, потраченная на то, чтобы сшить ей нарядное платье? Может, я тоже продала душу этому чудовищу, театру? Что взамен? Слава? Да, я знаменита. Есл и в дороге у меня кончится бензин, то любой водитель, улыбаясь, поделится со мной. Я знаменита, но...

Комиссаржевская или Элеонора Дузе знамениты больше. Деньги? Я никогда почти не знаю, на что буду жить на следующей неделе. Я завишу от задержки зарплаты даже на один-два дня. Я живу в плохой квартире, и, кроме старого "Москвича", у меня нет никакой недвижимости. Любовь народа? Но я уже достаточно вкусила, чтобы отличить любовь от доброжелательного любопытства. В остатке, я - одинокая, некрасивая женщина, которую бросил муж. Духовная власть? Но я же дура! Духовную власть я просто не потяну. Творчество, удовлетворение жизнью, призвание? Ложь, ложь и ложь! На репетициях я быстро утомляюсь, скрываю от всех свое раздражение, лицемерю, делая вид, что полна энтузиазма. Перед спектаклем паникую, а после спектакля довольна собой была три-четыре раза за тридцать лет на сцене. Теперь у меня внучка. Я хочу сама учить ее читать, показать ей Москву, все переулочки, мои любимые старые дома, парки... Я хочу с ней вместе путешествовать... И ее любовь я не согласна променять на любовь хоть всего человечества! Дочь, зять, внучка и подобранная дворняга Пончик, оказывается, вполне заменяют весь мир. Я не хочу умереть на сцене, я не хочу, чтобы моя личная реальная смерть стала финалом чей-то чужой придуманной жизни! Я хочу покоя! Дайте мне покой! Где опять моя соковыжималка?

МИХАИЛ. Я предчувствовал что-то вроде. Одиночество - вот мой удел отныне. С тобой или без тебя, Полина, но театр будет! Где ставить подпись?

ЛИПА. Вот здесь. И разборчиво. А ниже - паспортные данные.

Михаил только собирается поставить подпись, как сверкает молния, затем сильный удар грома.

ПОЛИНА. Что это?

ЛИПА. Гроза.

ПОЛИНА. В декабре?

ЛИПА. Бывает. Редко, но бывает.

МИХАИЛ. Странно. Подписать контракт с вами помешали гром и молния.

ПОЛИНА. Остановись, Майкл! Не подписывай! Это - знак, знак...

ЛИПА. Смешно! У вас мания величия! Как и у всех артистов. Впрочем, у артистов мания величия не порок, а простительная слабость. Не будьте же смешными и жалкими! Подписывайте, Михаил Александрович!

И во второй раз, только Михаил собирается подписать - молния и гром.

ПОЛИНА. Не подписывай! Это знамение!

МИХАИЛ. Действительно настораживает.

ЛИПА. Это вы всерьез? Вы, и правда, считаете, что молния сверкает и гром гремит ради вас?

МИХАИЛ. И вы убедительны, Олимпиада. Действительно, такое предположить трудно. Сейчас я поставлю подпись и получу театр. И что потребуется взамен от меня?

ЛИПА. Чтобы вы стали моим мужем. На один год. Всего-навсего.

МИХАИЛ. Звучит довольно мирно. А что я должен буду делать? Есть лягушек, запивая их кровью невинных младенцев? Жечь по ночам на кладбищах черных кошек? Что будет входить в мои обязанности в качестве вашего супруга?

ЛИПА. Все.

МИХАИЛ. Все не смогу.

ЛИПА. Но сегодня же смогли!

МИХАИЛ. Я уже говорил вам - я был пьян и ничего не помню.

ЛИПА. Алкоголь не является смягчающим обстоятельством ни за рулем, ни в постели. Я изучила метод физических действий по вашему Станиславскому. По этому методу мы и построим наше счастье. Вы будете дарить мне цветы. Ежедневно. Утром целовать, уходя на работу. Всегда хвалить то, что я готовлю. Всегда восхищаться вслух тем, как я выгляжу. И восхищение должно будет состоять не менее, чем из трех оригинальных фраз. Вечером мы будем, держась за руки, прогуливаться по бульвару. И все эти действия непременно вызовут у вас чувства ко мне.

ПОЛИНА. Практично! Станиславский действительно бессмертен.

МИХАИЛ. Итак, отныне я обречен играть в жизни и жить в театре. Я принимаю эту участь!
(Хочет расписаться.)

Дважды подряд сверкает молния и особенно оглушительно раскатывается гром.

Полина (отталкивает руку Михаила от листа бумаги). Не смей! (Тянет его за собой.)
Бежим отсюда.
(Тянет Михаила к дверям.)

ЛИПА. Я понимаю, Полина Сергеевна, вы - артистка. Но не до такой же степени!

Полина (кричит ей и размахивает соковыжималкой). Не подходи, а то... а то... А то перекрещу!

ЛИПА. Полина Сергеевна, зачем же вы так Михаила Александровича пугаете? На нем лица нет!

ПОЛИНА. Уйди с дороги! Миша, не отпускай мою руку, потому что я крещеная, а ты не крещеный! Будем пробиваться вместе! Я тебя не брошу! Я очень обижена, но перед лицом Сатаны я выше наших обид!

ЛИПА. Да что же вы так соковыжималкой-то машете - зашибете же кого-нибудь!

ПОЛИНА. Это - Сатана. Вся нечисть под конец века поперла. Миша, закрой глаза! Я сейчас ее переkreщу, и она рассыплется. Я говорю - глаза закрой, а ты руку отпускаешь! Всегда ты был бестолковый! Ну, Сатана, держись! (Рукой с соковыжималкой переkreшивает Липу. И сама зажмуривается.)

Пока Полина стоит зажмурившись, Липа осторожно подходит к ней и пытается изъять соковыжималку.

(Резко отдергивает руку с соковыжималкой, отскакивает от Липы и оттаскивает Михаила.) Соковыжималку не трожь! Это для ребенка! Ребенка в обиду не дам! Миша, держи соковыжималку крепче. Я переkreщу ее как следует. (Усиленно крестит Липу.)

Вовсю гром и молнии. Липа вздрагивает.

Она вздрогнула! Она почти сотряслась. А ну-ка, если еще переkreстить? Только надо очень сосредоточиться.

ЛИПА. Вы что, Полина Сергеевна, всерьез верите, что я в прах рассыплюсь от крестного знамения? Я и не от такого в этой жизни не рассыпалась!

ПОЛИНА. Не приближаться! Миша, мы по стеночке, по стеночке выбираемся отсюда... И прямо в соседнюю квартиру, к священнику... Он поможет! (Тянет Михаила за собой и непрерывно крестится) Святой Николай Угодник, заступись за нас, помоги нам!

ЛИПА. Полина Сергеевна, вы образованная дама, артистка, любимая народом... Если бы сейчас вас увидели ваши поклонники?

ПОЛИНА. Это она нас отвлекает. И ты, Михаил, молись, а то с тобой что-нибудь случится. Святой Николай Угодник, выручай!

ЛИПА. Да за кого вы меня принимаете? Я сама крещеная! Я и молитвы наизусть знаю! Я даже по-польски молитвы знаю, и по-итальянски, и по-английски, и по-французски... Я вас запросто перемелю! (Крестится.) Отче наш, иже еси на небеси...

Полина (перекрикивает ее). Святой Николай Угодник, приди, приди, выручи нас, приди!

Звонок в дверь. Дамы резко смолкают. И замирают в тех же позах, в каких их застал звонок.

Михаил безучастен. Немая сцена.

Дверь открывается. На пороге НАТУСЯ.

НАТУСЯ. Опять не заперто. Еще раз здравствуйте. Как хорошо, что вы до сих пор здесь, Олимпиада Николаевна! (Внимательно, но без удивления и тревоги оглядывает всех.) А что вы делаете? Репетируете?

Полина (не шевелясь, но с очень сильным волевым посылом). Наталья, ты кстати! Иди в кухню!

НАТУСЯ (ее волевыми посылами не возьмешь). Зачем?

ПОЛИНА. Иди! Я буду тебе говорить, что делать. Поэтапно.

Натуся идет в кухню.

Ты крещеная?

НАТУСЯ (подумав). Не помню. Бабушка что-то говорила, то ли хорошо, что я крещеная, то ли плохо, что не крещеная. А может, хорошо, что не крещеная... Или плохо, что крещеная. У меня тут некоторая путаница. Я спрошу бабушку. И завтра вам позвоню, скажу. А сейчас я, собственно, на минуточку, к Олимпиаде Николаевне.

ПОЛИНА. Держись от нее подальше! Она Сатана.

НАТУСЯ. Да, женщины после пятидесяти иногда в такое превращаются.

ПОЛИНА. Загляни на полку!

НАТУСЯ. Заглянула! Ой, сколько пыли!

ПОЛИНА. Не отвлекайся. Бутылку видишь?

НАТУСЯ. Тут только и есть, что единственная бутылка.

ПОЛИНА. Хватай!

НАТУСЯ. А что в ней?

ПОЛИНА. В ней наш единственный шанс! Вопрос жизни и смерти.

НАТУСЯ. Держу!

ПОЛИНА. А теперь быстро попрыскай на эту! (Указывает на Липу.) Да не тяни! Живей, живей!

НАТУСЯ. Олимпиада Николаевна, на вас побрызгать можно?

ЛИПА. Да делайте вы все, что хотите! В сущности, как недалеко мы ушли от инквизиции. Два-три совпадения, череда несчастий - и снова может быть открыта охота на ведьм.

Натуся брызгает на нее. Эффект огромный. Липа вскрикивает, машет руками, кашляет, хрипит, крутится на месте.

ПОЛИНА. Подействовало! Подействовало! Неужели я была права?

ЛИПА. С ума сошли! Чуть глаза не выжгли! Что это? Отрава для тараканов, что ли?

Полина (выхватывает у Натуси бутылку, нюхает и фыркает). Та-ак. Ясно. Это значит, тараканов мы святой водой поливали. А я еще удивлялась, что они вместо того, чтобы погибнуть, всюю плодятся начали. Натуся, ты явилась вовремя. Забирай Михаила! Лучше пусть тебе достанется, чем ей.

НАТУСЯ. Нет, нет. Тут недоразумение. С Михаилом Александровичем, вижу, все в порядке. Пока он с вами и Олимпиадой Николаевной, я за него спокойна. Спасибо вам всем. А я на минуточку. К Олимпиаде Николаевне.

ЛИПА. Сколько тебе?

НАТУСЯ. Девятнадцать. Я еще учусь, на втором курсе театрального.

ЛИПА. Сколько надо, спрашиваю.

НАТУСЯ. Как вы догадались?

ЛИПА. Зачем-то ведь ты вернулась? Не за Михаилом - это видно. Значит, за деньгами.

НАТУСЯ. Мне даже неудобно к вам обращаться. Мне такая сумма нужна, что даже и выговорить неудобно.

Полина (трясет Михаила). Да что это с тобой за столбняк приключился? Миша, Мишенька, очнись! (Бьет его по щекам.)

НАТУСЯ. Я хотела купить сарафан, но раз у меня оказалось так много денег, мои запросы выросли. И я положила глаз на такой крутой костюмчик. Но не хватает... одного доллара. Смешно, да?

ЛИПА. Обхохочешься. Возьми! (Роемся в сумочке.) Но это уже в долг.

Полина (Михаилу). Да очнись же ты! (Сует ему в нос бутылку.) Понюхай!

Михаил закашливается, машет руками, отталкивает бутылку.

Какое сильное средство. Надо все-таки и тараканов им попробовать потравить.

НАТУСЯ (принимает у Липы доллар). Спасибо, Олимпиада Николаевна! Всем всего доброго! Я больше сюда не вернусь.

ЛИПА. Не зарекайся.

НАТУСЯ (в дверях, щемяще). Михаил Александрович!

МИХАИЛ (устало). Что тебе, Наташа?

НАТУСЯ. Не отчаивайтесь! Вы еще встретите свою любовь.

ЛИПА. Покупай костюмчик, напяливай прямо в магазине и спеши к своему скромному управляющему банком.

НАТУСЯ. Вы угадали. Именно таковы мои ближайшие планы. (Посылает всем воздушный поцелуй.) Я вас всех обожаю. (Убегает.)

ЛИПА. Гроза кончилась. Снег падает тихо, мирно. Сумерки. И хочется думать и говорить о смысле жизни. Как странно. Снег, Москва, Россия, любовь.

МИХАИЛ. Полина, прости меня, прости! Пожалуйста, не бросай меня! Буду честен впервые в жизни. Я люблю Натали томительно, сладко, с отчаяньем. Я был с ней счастлив так, что не помнил себя. Она разбила мне сердце. И все мне кажется, что это не хрусталь у нас под ногами, а осколки моего разбитого сердца.

ЛИПА. Кстати, надо подмести, а то кто-нибудь порежется. (Берет веник, совок и подметает.)

МИХАИЛ. И сейчас, сию минуту я тоже люблю Натусю. Но начинаю прозревать, что тебя я люблю на вот такую чуть-чутьточку больше.

ЛИПА. Вспомните о квартире, Полина! О семейных ужинах под розовым абажуром! Сейчас самый миг вспомнить, как ненавидите вы театр и хотите дожить свои дни в окружении истинной, а не бутафорской любви. Среди реальности, а не декораций. Вспомните все это, Полина!

МИХАИЛ. Не делай этого, Полина! Ты не сумеешь жить обыденно. Отдавшись полностью реальной жизни, ты поймешь, что она пресная для нас. В реальности слишком редки страсти, скандалы, порывы. И слишком неэффектны, тягучи и длительны переживания. А как скучны костюмы! Как однообразна обстановка! Как обыденно люди общаются между собой! Реальность слишком тяжела для того, кто родился лицедеем. И если не черпать силы на сцене, то реальность нам просто не осилить. Не уходи из театра, Полина! Не бросай меня!

ПОЛИНА. Что за тайна в театре? Что за магия? За тридцать лет в нем как мало я приблизилась к разгадке! Помыслы и поступки какой-нибудь неумной и не самой добродетельной бабенки, да к тому же кем-то придуманной, волнуют больше, чем лепет родной внучки. Это же, в сущности, чудовищно! И вот ты пытаешься понять эту бабенку. Что тебе до нее? Но ты думаешь о ней день и ночь. Она словно поселяется в тебе и высасывает тебя по капле. А ты начинаешь обожать ее, оправдываешь любые ее поступки. Ты отдаешь ей свое лицо, свои интонации, свои жесты. Жертвуешь всем лучшим, что в тебе есть. Ты готова перевернуть детские воспоминания, ты отважно спускаешься в бездны собственного подсознания, ты подглядываешь и подслушиваешь за всеми вокруг, словно шпион, которому необходимо раздобыть самые важные секреты... И все это ради того, чтобы постигнуть смысл какой-нибудь нелепой фразы! Ни к одному близкому человеку ты не бываешь так внимательна и терпима. Только о ней, об этой бабенке, ты хочешь знать все. И ради чего? Чтобы люди, пришедшие в театр, незнакомые тебе люди, на мгновение поверили, что эта придуманная бабенка живет, чувствует и мыслит? Что это не ты сейчас перед зрителями, а она действует, борется, гибнет, возрождается, смеется и плачет. И чтобы ее все полюбили, как ты ее любишь. А все дело в том, что пока кто-то жаждет проникнуться миром другого человека, героя или злодея, просто обывателя или изгоя, пока кто-то способен привлечь к этому придуманному человеку пристальное внимание многих и многих других людей, есть надежда, что мы все будем стремиться понять друг друга, а значит, и прощать. Театр - это страшный суд над человеком. А артисты - защитники человека. И не ради красного словца величают театр храмом. В

театре не работают, а молятся и служат ему. И много званых туда, но мало избранных. И вечны религия и театр, ибо без них человек оскотинится. "Неси свой крест и веруй", - сказал Антон Павлович Чехов. И кто хоть раз почувствовал себя избранным, будет жить в театре и умрет в театре!

ЛИПА. Я хотела увести, отвоевать, выкупить мужчину сразу у двух женщин. Это мне по силам. Но театр, словно грозная реликтовая птица, простирает над вами свои огромные мощные крылья. То ли хочет заклевать вас, то ли охраняет. А может быть, и все вместе. И я не знаю средств победить эту птицу. (Собирает свои вещи, надевает шубу.)

ПОЛИНА. Вы уходите?

ЛИПА. Я проиграла.

ПОЛИНА. Мы были не гостеприимны с вами. Это не честно. Вы дали нам деньги на спектакль. И так все получилось, так сошлось, что этот спектакль, похоже, вершина нашей актерской судьбы. Успех полный и бесспорный. Но, давая нам деньги, вы не стремились завоевать театральные вершины. Вы хотели оказаться ближе к Михаилу. Чего-то вы для себя добились. И это царский жест - за одну ночь с мужчиной своей мечты подарить людям праздник.

ЛИПА. Ничего не получилось! Не было ничего! Вообще не было!

МИХАИЛ. В каком смысле не было? А как же третий и пятый?

ЛИПА. Не было ничего! Вы только смотрели на меня ошалело и бубнили: "Ты не Полина! Ты другая!" Напрасно я подпаивала вас на банкете. Спьяну с вами случился просто какой-то припадок супружеской верности.

МИХАИЛ (Полине). А ты мне не верила! Я сто раз тебе сказал - не было ничего! Кто оказался прав?

ПОЛИНА. За это прощаю тебе все! Знаете, Липа, от ревности к вам я чуть с ума не сошла.

ЛИПА. Именно ко мне?

ПОЛИНА. Я поняла ваш намек. Натуся - это юность, красота, соблазн. Одна из многих прелестных девушек. Она заменима. Что проку ревновать к молодости? Это не любовь, это просто - грех. И как бы не пришлось горько платить за свои грехи! А вы - соперница. И неужели сильная, умная, здравомыслящая женщина, как вы, может быть такой мечтательницей?

ЛИПА. Мечтательницей? А ведь вы угадали... Рыбак рыбака видит издалека, не так ли? Мечтательница... У него тогда были крылья. И он парил над странным нездешним игрушечным городом.

МИХАИЛ. "Лети, Икар, лети!" снимали в Таллинне. О, молодость! Патриотизм и акцент эстонцев, стильны е кафе, призрачные улочки... И так хотелось хоть во что-нибудь верить и необыкновенно любить... О, молодость! О, тоска по молодости!

ЛИПА. Постепенно я узнала, в каком театре вы играете, где живете. Караулила вас в толпе таких же, как я. И только один раз вы мельком заметили меня. Наши взгляды встретились, проскочила искра... И все. Я поклялась себе, что когда-нибудь, пусть хоть в глубокой старости, но стану вашей женой. Я назначила себе смысл жизни. Я решила, что должна стать кем-то, чтобы вы меня полюбили. Я стала героиней и попала в тюрьму. Обо мне довольно много писали в самиздате, но за три года тюрьмы я поняла, что ни на шаг не приблизилась к вам. После тюрьмы вознамерилась стать самой знаменитой актрисой и подалась в самодеятельность. Я старательно училась петь, ходить по сцене, безболезненно падать и фехтовать. Но так и не смогла преодолеть отвращение к тому, чтобы из вечера в вечер с одинаковыми интонациями и жестами говорить одни и те же глупости. Тогда я придумала выйти замуж за миллионера. У нас в стране в те времена трудно было найти миллионера. Но я нашла. Импозантного академика, про которого после свадьбы выяснилось, что он теневик. Да еще безнадежно болен раком. И вместо того, чтобы готовиться к случайной встрече с вами на правительственном концерте, я год была сиделкой. Овдовев, я не разбогатела, его поделщики этого не допустили. Но, пока он болел, я выполняла его производственные поручения и многому научилась. Но снова ни на шаг не приблизилась к вам. Тогда меня осенила идея стать иностранкой. И я выскочила замуж за негра устрашающего вида и отбыла с ним в Африку. И оказалась у него семнадцатой женой. О, какая прекрасная была жизнь. Мой муж был принцем, самым настоящим - образованным, деликатным, трудолюбивым. Он обеспечивал всех. Мы, жены, жили дружно и умело им управляли. Жены были всех национальностей. У него был такой хороший вкус, что я в этом окружении получила недурное образование и теперь знаю несколько языков, экономику, право, умею вести производство. Но там, под африканским небом, я тосковала по вас. Я призналась во всем мужу, и он дал мне развод. Я вернулась в Москву довольно обеспеченной женщиной тридцати трех лет. Каждый вечер я ходила в театр и смотрела на вас. И решила, что только своими душевными качествами смогу покорить вас. Я сосредоточилась на милости к падшим. Примером выбрала Мать Терезу. Я была уже столь здравомысляща, что меня не удавалось обмануть. Обо мне начали создавать легенды. А тут и грянула новая эпоха в стране. И однажды жизнь свела меня с бомжем-американцем. Он приехал сюда помогать россиянам возрождаться и спился. Я стала опекать его. Мое милосердие простерлось до того, что я вышла за него замуж. Поехали погостить в Америку, и там выяснилось, что он миллиардер, владелец заводов, домов, пароходов. Я не обиделась на него. Я устала любить вас и жить в пустых надеждах. Муж показал мне все семь чудес света, весь мир. И захотел, чтобы я родила ему ребенка. И вдруг я ясно поняла, что все равно люблю вас. Я вернулась сюда. Я не хотела ничего брать от мужа, но он рассудил иначе. Я вернулась богатой, практичной и много чего умеющей женщиной. Я стала всюду желанна. И я осмелилась завоевать вас на вашей территории. Я пришла в театр и предложила деньги на спектакль, о котором вы мечтали и рассказывали во всех интервью о своей мечте. Я сидела на репетициях, я пила с вами кофе в буфете и все ясней понимала, что по-прежнему у меня не появилось ни единого шанса. И тогда я решила попробовать стать порочной женщиной и просто отбить вас! Я дождалась момента, подпоила вас на банкете, пробралась в вашу постель и... снова не преуспела. Последнее, что мне оставалось, - купить вас. Любовь к вам дала мне весь мир, слепила мою личность, научила любить жизнь и уважать и ценить саму себя. Я прошла огонь, воду и медные трубы. Я была ради вас героиней, актрисой, миллионершей, женой принца, сестрой милосердия, меценаткой и проституткой. Я оплатила все вперед, но не получила даже завтрака в постель.

ПОЛИНА. Не знаю, смогу ли вас этим утешить, но мне тоже Михаил ни разу не подал завтрак в постель. Зачем вам Михаил? Его реальное присутствие что может добавить к вашей истории любви? Представьте, что тогда, в ранней юности, вы стали бы его женой.

Какую бы однообразную жизнь провели, полную обид и разочарований. Михаил пил, любил женщин, не избежал мании величия и не хотел ничем себя обременять. Вы работали бы, крутились по дому, были бы унижены безденежьем. Есл и бы у вас родился ребенок, то вряд ли рос бы здоровым. В доме все время актерская братия, выпивка, громкие споры, хвастливые планы. И его тогдашней компании вы казались бы неинтересной и жалкой. Молодой артист и артист, проживший всю свою жизнь на сцене, - это совершенно разные типы людей. Первые - вздорны, самонадеянны, нетерпимы, завистливы, высокомерны. Вторые - мудры, терпимы, великодушны, не мелочны и добры. Театр - гениальный воспитатель для самих артистов в первую очередь. А вы в конце концов разошлись бы, проклиная друг друга. Вам повезло, Олимпиада. Любовь светила вам всю жизнь, как путеводная звезда. Может быть, это и есть самая счастливая любовь?

МИХАИЛ. Ну не так уж я был плох. Но большую долю истины в том, что сказала Полина, я признаю. Мне и в голову не приходило, что вы такой потрясающий человек! Какая жизнь! Как я вам завидую!

ПОЛИНА. Я проголодалась. (Звонит по телефону.) Доченька! Теперь уже точно едем. Я и МИХАИЛ. И еще привезем нашу гостью. Не волнуйся. Что-нибудь купим по дороге. Проснулась? Веселая? Поцелуй ее за меня. Скажи - сейчас придет бабушка и делает тебе апельсиновый сок. Сами уже сделали? Через марлю отжали? (Смущенно.) Ну, хорошо... Целую. (Кладет трубку.)

ЛИПА. И неужели все то, что я искала по всей земле столь долго и многообразно, вы умеете обретать на маленьком пространстве сцены? Верно заметил ваш коллега Шекспир: "Театр - это весь мир".

МИХАИЛ. Шекспир выразился иначе: "Весь мир - театр".

ЛИПА. Разве это - иначе?

Открывается дверь, входит Натуся с бутылкой шампанского.

НАТУСЯ. Снова не заперто. Я почему-то была уверена, что не заперто. И даже звонить не стала. Как хорошо, что вы еще здесь. Как вам мой новый костюмчик? (Ставит шампанское, снимает пальто, встает на середину комнаты, поворачивается, демонстрирует всем свой новый костюм.)

Пауза.

ЛИПА. А почему ты в этом костюмчике радуешь нас, а не своего скромного управляющего банком? И при чем тут шампанское? Разве не прошло уже время пить и не наступило время трезветь?

НАТУСЯ. Это была ошибка, Михаил Александрович. Я люблю одного вас. Вы счастливы?

ЛИПА (Михаилу). В той цепи, что Натуся сейчас пытается накинуть на вас, явно отсутствуют некоторые звенья. А шампанское из того же проверенного киоска? Или на этот раз есть шанс, что нам всем может крупно не повезти?

ПОЛИНА. Это жестоко, Наташа. А вдруг скромный управляющий покончит с собой? Ты там, в банке, попросила хоть кого-то присмотреть за ним.

НАТУСЯ. Уверяю вас, он в этом не нуждается. У него нет ничего общего с Михаилом Александровичем.

ПОЛИНА. Про это ты уже нам рассказывала.

НАТУСЯ. Он гнусный и мелочный жлоб. Я в нем разочаровалась.

ЛИПА. Кроме эмоций явно имеют место и факты. Поближе к фактам, Натуся!

НАТУСЯ. Прихожу к нему в этом костюмчике за три штуки баксов. Вся из себя немислимой красоты. Полна любви, нежности и грусти. И застаю его в ярости. Он топает на меня ногами, ломает, что попадя, и все это сломанное кидает в меня. Очки у него сразу слетели и разбились. Он же кидал в меня и не видел ничего. Запросто попасть мог!

ПОЛИНА. Милые бранятся, только тешатся.

НАТУСЯ. Если бы... (Заплакала.) Вы даже не представляете себе, какой он подлец! Знаете, что он сделал?! Он, оказывается, слежку установил за мной! За вами и за мной подсматривали целую неделю, Михаил Александрович! Он целое детективное агентство нанял! Все самое интимное, что было между нами, на видеокамеру снимали. И когда я вошла, он как раз только что закончил просмотр. Вы, Михаил Александрович, никогда бы себе такого не позволили!

ПОЛИНА. Такие удовольствия Майклу прежде всего не по карману.

МИХАИЛ. Что же ты теперь от меня хочешь, милое дитя?

НАТУСЯ. Я люблю вас одного. И я ношу в себе вашего ребенка. Я в этом уверена. Почти. Я была жестока и легкомысленна. Простите! Я больше не буду. А сейчас я счастлива. Потому что понимаю, как счастливы сейчас вы! Наверное, глазам своим не верите? Выпьем шампанского за мое возвращение и уходим! (Протягивает Михаилу бутылку, расставляет бокалы.)

ЛИПА. Жизнь сложна, запутанна и утыкана внезапностями. И как много, как много в ней любви, видимой и невидимой. Держите удар, Полина! С прямой спиной, с ироничной улыбкой!

ПОЛИНА. Где соковыжималка? Куда пропала? Верните, о, верните же мне мою соковыжималку!

МИХАИЛ (возится с пробкой, внезапно замирает). Полина, я погибаю! Спаси меня!

Пробка вылетает с оглушительным звуком выстрела.

КОНЕЦ